

Марк Уральский

«Милая и дорогая Марья Самойловна»

Письма Веры Буниной к Марии Цетлиной 1940-1946

О публикаторе | **Марк Леонович Уральский** (Mark Uralski) родился 13.11.1948 в Новокузнецке. С 1949 по 1992 год жил в Москве, в 1992 году переехал на постоянное место жительства в ФРГ. Как публицист и поэт выступал под псевдонимом Николай Марин в московской периодической печати (конец 1980-х — начало 1990-х годов), издал сборник стихов «Янус» (М.: изд-во Контракт, 1988). С 1992 г. публикует прозу, публицистику и лирику под своим именем в русскоязычных зарубежных и российских журналах: «Берлин. Берега», «Вопросы литературы», «Зеркало», «Крещатик», «Новый журнал» — см. <http://magazines.russ.ru/authors/u/uralskij>

Автор книг: «Камни из глубины вод» (СПб.: изд-во Алетейя, 2007), «Немухинские монологи: Портрет художника в интерьере андеграунда» (СПб.: изд-во Алетейя, 2011), «Избранные, но не званые: Историография независимого художественного движения» (СПб.: изд-во Алетейя, 2012); «Небесный залог: Портрет художника в стиле коллажа» (М.: изд-во Вест-Консалтинг, 2013); «Неизвестный Троцкий»: Илья Троцкий, Бунин и эмиграция первой волны» (Иерусалим; Москва: Гешарим — «Мосты культуры», 2017).

Письма Веры Буниной к Марии Цетлиной 1940–1946 годов¹

После смерти видного общественного и культурного деятеля русской эмиграции, с 1918 по 1948 гг., входившей в ближайшее дружеское окружение В.Н. и И.А. Буниных — Марии Самойловны Цетлиной (урожд. Тумаркиной, в первом браке Авксентьевой; 1882–1976), все ее бумаги и переписка перешли к дочери — А.Н. Прегель («Шурочка»)². Та, в свою очередь, завещала их своей родственнице Ю.В. Гаухман, с 1972 г. живущей в США, которая в 1987 году подарила большую часть собрания, в том числе письма И.А. Бунина и В.Н. Буниной³ к М.С. Цетлиной 1940–1948 годов, архиву Иллинойского университета в Urbana-Champaign, в библиотеке которого она долгое время работала и где в настоящее время они хранятся: «Sophie Pregel and Vadim Rudnev Collection, 1926–74. University of Illinois Archives (UIUC)»: <http://archives.library.illinois.edu/archon/?p=collections/controlcard&id=1517>. Письма Буниной к Цетлиной указаны в разделе: <http://archives.library.illinois.edu/uasfa/1535056.pdf>

Восемь из этих писем военных лет (из них четыре письма В.Н. Буниной 1940–1941 годов) были опубликованы Надеждой Винокур⁴. Остальные 11 писем В.Н. Буниной и одно Л.Ф. Зурова к М.С. Цетлиной, полученные автором из UIUC, составляют содержание настоящей публикации. Так же как и четыре ранее опубликованных письма, они относятся к 1940–1944 годам, т.е. периоду постоянного пребывания И.А. Бунина и В.Н. Буниной в Грассе во время войны и оккупации Франции, и к двум первым послевоенным годам, когда супруги уже жили в Париже.

Большинство писем написано от руки, меньшая часть напечатана на машинке. Орфография и пунктуация текстов писем дается в соответствии с современными нормами. Все цитаты из ранее опубликованных писем приводятся по электронной версии статьи Н. Винокур. Сведения об отдельных персоналиях, фигурирующих в письмах, но не приводимых в примечаниях, можно получить в электронной версии биографического словаря Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: в 3 т. / Под. общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. — Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010: URL: <http://www.dommuseum.ru/index.php?m=dist>. Неидентифицированные имена и фамилии выделяются на письме жирным шрифтом.

Для общей характеристики публикуемых писем В.Н. Буниной воспользуемся оценкой, данной в свое время ее эпистолярному творчеству А.В. Бахрахом: «Эти письма несомненно представля<ют> <...> определенный историко-литературный интерес. В них со свойственной ей дотошностью, наряду с описанием всяких мелочей и курьезов <...> неизменно, пускай даже однобоко и с некоторой наивностью, но все же достаточно выпукло и с крупицей иронии, восстанавливалась некая хроника бунинского осложненного быта»⁵.

При более дифференцированной оценке нельзя не отметить, что публикуемые в данной работе письма Веры Николаевны отличаются в сравнении, например, с ее перепиской с художницей Логиновой-Муравьевой⁶ или же Т.М. Алдановой-Ландау⁷ некоторой слащавостью, обычной для «просительных писем». Бунина была знакома с Цетлиной около 30 лет и не один год бок о бок работала с ней на поприще благотворительности — и в обществе «Быстрая помощь», и в кружке «АМАUR» («АМОР» — аббревиатура «Amis auteurs russes», фр. — «Друзья русских писателей»), созданном под председательством И.А. Бунина в конце 1930-х годов с целью оказания материальной помощи русским писателям. Тем не менее Мария Самойловна, несомненно, всегда являла собой в их отношениях знаковую фигуру «благодетельницы нашей»⁸. Такой же по форме, хотя и несколько иной по тональности является переписка Буниных с Ильей Марковичем Троцким⁹.

Для понимания всей тонкости ситуации, а значит, и «духа» этой переписки, необходимо вкратце остановиться на личностных характеристиках М.С. Цетлиной и В.Н. Муромцевой-Буниной.

Это были два совершенно разных в психологическом отношении типа личности: экстраверт и интраверт, сходявшиеся, пожалуй, только в их общей преданности и любви к искусству и потребности делать добро людям. Обе женщины были выходцами из семей, принадлежавших к кругу российской культурной и общественной элиты — Вера из старинной, но обедневшей дворянской фамилии Муромцевых, Мария из просвещенной и богатой еврейской семьи петербургского ювелира Тумаркина. У обеих мужья были литераторы. У Веры — великий русский писатель, поэт, заявляющий себя в ряду «первых имен»: амбициозный, обидчивый, вспыльчивый, тяжелый в семейном быту человек. У Марии — тонкий лирик Амари (Михаил Осипович Цетлин, 1882–1945), литератор-интеллектуал, без особых литературных амбиций: «Благословляю малый дар, / Скупой огонь, возжженный Богом. / Его питает сердца жар, / Но не разжечь в большой пожар / Его ни бурям, ни тревогам» — человек мягкий, доброжелательный, безраздельно преданный литературному ремеслу.

В семье Цетлиных «Мать говорила громче, волновалась <...> Отец всегда говорил тихо и сдержанно»¹⁰. В семье Буниных все было наоборот и более контрастно — «лед и пламень»: спокойная преданная утешительница Вера Николаевна и вулкан страстей в образе Ивана Алексеевича. Цетлина «любила одеваться в дорогих модных магазинах, любила меховые шубы и драгоценности. Позднее она одевалась гораздо скромнее, но драгоценности носила всегда».

Вера Николаевна всю жизнь «проходила в чужом», о чем однозначно свидетельствуют и ее дневниковые записи (см. Устами Буниных / Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин. Т. 3. — Мюнхен: Possev-Verlag, 1982.), и публикуемые ниже письма.

Столбовой дворянин Бунин был выходцем из разорившейся семьи и на жизнь зарабатывал себе только писательским трудом, который в эмиграции оплачивался издателями очень скупо. Михаил Цетлин же являлся внуком основателя одного из крупнейших торговых домов Российской империи, чайной фирмы «К. Высоцкий и сыновья». Поскольку после Революции фирма сохранила свои зарубежные активы, супруги Цетлины в изгнании в материальном отношении были вполне обеспечены, что позволяло им и заниматься издательской деятельностью, личной благотворительностью, и

поддерживать общественную жизнь в русском литературном сообществе Парижа, а затем и Нью-Йорка.

С ранней юности Мария, отличавшаяся темпераментным волевым характером и красотой, привлекала к себе всеобщее внимание и восхищение окружающих. Ее портреты писали выдающиеся мастера кисти (всего их насчитывается девять), ваяли великие скульпторы¹¹. Ей посвящали стихи такие знаменитые поэты, как Бальмонт и Максимилиан Волошин.

«В начале 1900-х годов дочь крупного московского ювелира Мария Тумаркина уехала учиться в Швейцарию <Она стала одной из первых женщин в Европе, получивших диплом> на доктора философии. Там же она познакомилась с революционным кружком молодых эсеров, стала активным его участником и по возвращении в Россию была арестована. В то же время в Петропавловской крепости находился один из лидеров социал-демократического движения Н.Д. Авксентьев, и там состоялось бракосочетание Марии Тумаркиной и Авксентьева. Ее вскоре выпустили, а Авксентьев бежал из тюрьмы. Молодая пара уехала за границу, и в 1907 году у них родилась дочь Александра. Брак этот был совершен не столько по любви, сколько по общности идейных и политических интересов, и уже в 1909 году супруги расстались, сохранив самые дружеские и добрые отношения. А годом позже Мария Самойловна вышла замуж за другого участника швейцарского кружка, М.О. Цетлина. Михаил Осипович, родившийся в благополучной состоятельной семье <...> как и многие молодые люди того времени, с энтузиазмом бросился в революцию, однако наказания избежал, уехал в Швейцарию, где и познакомился со своей будущей женой. В 1917 году, после февральской революции, Цетлины вернулись в Россию, поселились в центре старой Москвы, в Трубниковском переулке, и стали собирать у себя друзей — людей из литературно-художественного мира, устраивать вечера чтений, дискуссий, затягивавшихся иногда до утра. С этих времен и принято отсчитывать историю гостеприимного салона Цетлиных, которому суждено было сыграть важную роль в судьбах русской эмиграции.

Вот что вспоминает И. Эренбург в своей книге «Люди, годы, жизнь»: «В зиму 1917–1918 года в Москве Цетлины собирали у себя поэтов, кормили, поили, время было трудное, и приходили все — от Вячеслава Иванова до Маяковского». Эренбург упоминает также среди гостей Бальмонта, Хлебникова, Цветаеву, Мандельштама. В мемуарах младшей дочери Цетлиных, Ангелины Цетлиной-Доминик, говорится (со слов родителей) об этом периоде как о «самом насыщенном и захватывающем». Сохранилось немало воспоминаний о подобных вечерах. «Я начал посещать Цетлиных... — пишет Б.К. Зайцев. — Цетлины собирали иногда по вечерам литературную братию. <В один такой вечер весной 1918. — М.У.> много народу сидело за большим столом в столовой, очень яркий свет, шум, говор — ужин московский, и среди гама литературных гостей тихий хозяин за всем следит, угощает, подливает вина, успевает с каждым сказать несколько слов — бесшумно все это и приветливо... Нельзя было не ценить тонкого ума, несколько грустного, Михаила Осиповича — его вкуса художественного, преданности литературе, стремления быть как бы в тени... Зайцев рассказывает, как «читались стихи, вечер тянулся долго, и, выйдя из дома Цетлиных на заре, все ощущали себя все еще в прежней художественно-артистической богеме. Через несколько лет тот же Зайцев вспомнит о более поздних временах, когда салон Цетлиных переместился в Париж. «Тут можно было встретить, — пишет он, — Милюкова и Керенского, Бунина <с Верой Николаевной. — М.У.>, Алданова, Авксентьева, Бунакова, Вишняка, Руднева, Шмелева, Тэффи, Ходасевича, позже и Сирина. Тут устраивались наши литературные чтения. Встречались мы теперь часто, и чем дальше шло время, тем прочнее, спокойнее, благожелательнее становились отношения наши... У нас в квартире на улице Фезандери был литературно-политический салон. Родители никогда не причисляли себя к белой эмиграции, оставались верными эсерами, хотя и отошли от активной политической деятельности уже в 1908 г. —

пишет А.М. Цетлина-Доминик. А Бахрах называл гостеприимный дом Цетлиных самым утонченным из русских литературных салонов Парижа¹².

В Нью-Йорке, куда Цетлины в срочном порядке переселились из оккупированной немцами Франции, Мария Самойловна также держала литературно-художественный салон, активно занималась благотворительностью, нацеленной в первую очередь на поддержку бедствующих во Франции соотечественников, и занималась всей организационной работой, касающейся издания и распространения «Нового журнала», основанного Михаилом Цетлиным и Марком Алдановым в 1942 г.¹³

Оценивая деятельность семьи Цетлиных в культурной и общественной жизни русского зарубежья, нельзя, естественно, упускать из вида ее «еврейскую составляющую», которую однозначно определил сам Цетлин: «С одним я народом скорблю / (С ним связан я кровью); / Другой — безнадежно люблю / Ненужною любовью». Эта тема, однако, напрямую в публикуемой переписке не прослеживается.

Так же как и Мария Тумаркина, Вера Муромцева получила прекрасное образование. Она серьезно изучала химию, закончила Московские высшие женские курсы (МВЖК), знала четыре языка, занималась переводами, увлекалась современной литературой. Она тоже была красива. Некоторые отмечали ее сходство с живописными образами Мадонны.

Валентин Катаев, считавший себя учеником Бунина, писал: «...я впервые увидел... Веру Николаевну Муромцеву, молодую красивую женщину — не даму, а именно женщину, — высокую, с лицом камеи, гладко причесанную блондинку с узлом волос, сползающих на шею, голубоглазую, даже, вернее, голубоокою, одетую, как курсистка, московскую неяркую красавицу из <...> интеллигентной профессорской среды»¹⁴.

До знакомства с Иваном Буниным, как, впрочем, и за весь их период жизни в России, Вера Муромцева не имела обширных и «звучных» контактов в литературно-художественной среде. Она вошла в нее лишь в изгнании, как общественница, устроительница и непременный участник литературных акций в эмигрантском Париже. Именно на этом поприще крепилась ее дружба с М.С. Цетлиной.

Знаменитый поэт и литературный критик русского зарубежья Г.В. Адамович писал после ее кончины: «Вере Николаевне Буниной сказать надо было бы многое. Если бы не бояться громких слов, то сказать “от лица русской литературы” <...> следовало бы о ней лично: о ее неутомимой и неистощимой отзывчивости, о ее простоте и доброте, ее скромности, о том свете, который от всего ее облика исходил... <...> Не всем большим, даже великим русским писателям <...> посчастливилось найти в супружестве друга не только любящего, но и всем существом своим преданного, готового собой пожертвовать, во всем уступить, оставшись при этом живым человеком, не превратившись в безгласную тень. <...> Могу <...> засвидетельствовать, что за ее бесконечную верность <И.А. Бунин. — М.У.> был ей бесконечно благодарен и ценил ее свыше всякой меры. Покойный Иван Алексеевич в повседневном общении не был человеком легким и сам это, конечно, сознавал. Но тем глубже он чувствовал все, чем жене своей обязан. Думаю, что если бы в его присутствии кто-нибудь Веру Николаевну задел или обидел, он при великой своей страстности этого человека убил бы — не только как своего врага, но и как клеветника, как нравственного уродца, не способного отличить добро от зла, свет от тьмы». Сама Вера Николаевна «2 января 1935 года в письме к своему брату Дмитрию Николаевичу говорит о И.А. Бунине (она называла его всегда Яном): «Для Яна нет ближе человека, чем я, и ни один человек меня ему никогда не заменит. Это он говорит всегда и мне, и нашим друзьям без меня. Кроме того, то нетленное в наших чувствах, что и есть самое важное, остается при нас. В моей же любви никто не сомневается... Ведь главная тяжесть у меня потому, что он приносит самому себе вред своим... характером и тем, что он не считается ни с кем. Пожалуй, больше всего он считается все-таки со мной. Умирая, его мать послала мне <...> завещание и просьбу: “Никогда не покидать его”. И он это знает и очень держится за

это. Если бы я ушла, это, как он говорит, была бы катастрофа, тогда как разлука с другими “только неприятность”»¹⁵.

Эмигрантская приятельница Буниной — художник Т.Д. Логинова-Муравьева писала: «Мало кто понимал, в чем обаяние Веры Буниной, но все тянулись к ней. Ее простота привлекала, но также ее “царственность”»¹⁶.

Василий Яновский — писатель из молодого поколения эмигрантов «первой волны», отнюдь не склонный к славословию, утверждал: «Это была русская («святая») женщина, созданная для того, чтобы безоговорочно, жертвенно следовать за своим героем — в Сибирь, на рудники или в Монте-Карло и Стокгольм, все равно! <...> Она принимала участие в судьбе любого поэта, журналиста, да вообще знакомого, попавшего в беду, бежала в стужу, слякоть, темноту...»¹⁷

Общий свод писем, хранящихся в архиве Иллинойского университета, дает подробное описание картины жизни, точнее, выживания в годы военного лихолетья представителей русской эмиграции «первой волны» из числа «бунинского окружения». В первую очередь речь идет о тех русских эмигрантах, которые сразу же после «падения Парижа» бежали на юг Франции, относившийся к так называемой свободной зоне, управляемой правительством, сделавшим своей резиденцией г. Виши (фр. — Vichy), и на Лазурный Берег (Côte d'Azur) — юго-восточную часть средиземноморского побережья с городами Тулон, Канны, Грасс, Ницца, Ментона и др., оккупированный сравнительно «либеральной» в своем отношении к евреям, масонам и иностранцам без подданства Италией¹⁸. Именно здесь, отметим особо, переживала фашистское лихолетье младшая дочь М.С. Цетлиной — Ангелина Михайловна Цетлин-Доминик (в те годы Кривицкая), которая, видимо, по той причине, что муж ее пребывал в немецком плену, а живя во Франции, она «могла с ним переписываться и посылать ежемесячные посылки», не уехала в США вместе с родителями. Как явствует из нижеприведенной переписки, Вера Николаевна регулярно осведомляла Цетлину о положении дел у Ангелиночки, которую, по возможности, старалась навещать во время своих посещений Канн, где та проживала с маленьким сыном.

Лазурный Берег, в первую очередь Ницца, был уже со второй половины XIX века любимым местом отдыха русской аристократии. Здесь лечился цесаревич Николай Александрович (скончался в Ницце в 1865 г.), сюда приезжали русские писатели и поэты — Гоголь и Лев Толстой, Тютчев и Соллогуб. В 1897 г. А.П. Чехов в шутку называл эти места «Русской Ривьерой», т.к. по приезде в Ниццу встретил здесь массу знакомых. Он, кстати говоря, останавливался в отеле «Оазис», прозванном «Русским пансионом», — в том самом, где зимой 1875–1876 гг. жил и Салтыков-Щедрин.

Поэтому в этих местах после бегства из революционной России осело очень много эмигрантов, образовавших вторую по численности после Парижа русскую колонию с центром в Ницце, где в 1930 г. проживало более 5000 выходцев из бывшей Российской империи.

Годы военного лихолетья (1940–1944) Бунины провели в Провансе (фр. Provence, букв. «провинция»), в старинном (основан в 1125 г.) городке Грасс (фр. — Grasse), расположенном на склоне горы на высоте 350 м над уровнем моря в окружении бесконечных лавандовых полей. Благодаря особому микроклимату, здесь с XVI века процветало цветоводство и производство парфюмерных ароматов. Уже в начале XX века город считался не только модным курортом, но и центром французской парфюмерии.

Сохранивший колоритный облик средневекового города Грасс — одно из самых красивых мест на всем Лазурном Берегу, Бунин открыл для себя в 1923 г. и, как писал Александр Бахрах: «Все годы эмигрантского житья он колесил из Парижа в Грасс, из Грасса в Париж...»¹⁹ — город и его окрестности притягивали его к себе «как магнит». В октябре 1939 года Бунины поселились в снятой ими на длительный срок у одной богатой англичанки вилле «Жанетт», где прожили вплоть до конца апреля 1945 года.

Однако в период «грасского сидения» — с **24.09.1940** по **начало мая 1945 года**, перемещение Бунина ограничивалось лишь посещением Канн и Ниццы (Грасс расположен в вершине своеобразного треугольника между Каннами — 16 км и Ниццей — 30 км). Впрочем, сразу же после падения Парижа и начала немецкой оккупации Франции Бунины, поддавшись охватившей близких им людей панике, собрались было бежать, не зная, однако, куда и не имея никаких планов на сей счет. **14 июня 1940 года** В.Н. Бунина записывает в своем дневнике: «Я не узнаю Яна. В первый раз он мешкает. Почему? Страх неизвестности? Усталость? А между тем нам следует уехать» (Устами Буниных. С. 52.).

Иван Бунин, судя по его записи в дневнике от 25 июля 1940 года (Устами Буниных. Т. 3. С. 53, 54.): «Боялся ехать — кинуться в море беженцев, куда-то в Вандею, в Пиренеи, куда бежит вся Франция, вшестером²⁰ с 30 местами багажа...». В конце концов, они все-таки сорвались с места и поехали — «16 июня, в 10 ч. утра, на наемном, из Нима, автомобиле», в сущности, куда глаза глядят: «Уехали больше всего из-за Марги <М.А. Степун. — М.У.> — ей в жандармерии приказали уехать из Alpes Mar <департамент Приморские Альпы> “в 24 часа!”. Помогли и алерты <авианалеты. — М.У.>, и мысль, что, возможно, попадешь под итальянцев. (Первый алерт был у нас в воскр. 2 июня, в 9-м часу утра)».

Согласно записям Веры Николаевны от тех же чисел, «беженцы» вернулись в Грасс 9 июля. Попытки уехать больше не возобновлялись.

Первое письмо Веры Николаевны к Цетлиной из UIA датировано **5 сентября 1940 года**, когда супруги Цетлины в ожидании виз в США, куда уже успела перебраться их старшая дочь Шурочка, с мужем, известным физиком и общественным деятелем Борисом Юльевичем Прегелем, переехали из Канн в Марсель, поближе к американскому консульству. В Каннах, однако, оставалась их другая дочь — Ангелиночка, которая, будучи в те годы замужем за Павлом Кривицким, находившимся как военнослужащий французской армии в немецком плену, решила не покидать Францию.

В этом письме, уже в первых строках, после вежливых общих фраз: «Спасибо за весточку. В отеле, где Вы живете, мы не раз останавливались. Неужели Вы не вернетесь? Это будет очень грустно. Бабье лето очень свежее. Бывают и очень пасмурные дни. Но сегодня солнце, и немного веселее на душе», — Бунина переходит к делам «быстрой помощи», волнуясь о деньгах, которые должны получить, по-видимому, при посредничестве Цетлиной, их общие друзья-литераторы Даманская и Лоло²¹. Далее следуют искренние, сугубо личные высказывания, которые можно позволить себе только при обращении к близкому человеку: «Получила письмо от Лени <Зурова>. Он решил при наступлении первых холодов приехать к нам “на два месяца”. Я, конечно, очень обрадовалась. А в то же время стало и жутко. Как тяжелы всякие даже самые дозволенные незаконные привязанности. Как Вы счастливы, что у Вас свои дети, свой внук! А ведь и к чужому можно быть привязанной. И как нужно всегда себя сдерживать в проявлении не только чувств, но и дел. Помню, когда в 1932 г. у него впервые оказалась задета верхушка легких, я, когда мы вернулись все из Парижа, стала ему по утрам готовить кофе и квакер. Боже, что поднялось и у нас и у Фондаминских. Как все начали возмущаться! Дошло это и до Лени, и пришлось прекратить, так как мораль в этой болезни самое главное. А если бы он был моим сыном или даже племянником, то на это никто не обратил бы внимания. <...> Если Ваша виза не готова еще, зачем же Вам сидеть в Марселе? Неужели Вы будете ждать в этом шумном городе! <...> Читаю Герцена по-английски, Паскаля по-французски, Бунина по-немецки, а по-русски “Северный Вестник” 1897 года — много интересных статей. Написала свои воспоминания о Ходасевиче».

Затем — **9 сентября 1940 года**, Цетлиной пишет сам Бунин, сообщая о том, что Алданов «подает прошение о пропуске в Марсель» и что она получила письмо «от писателя Гребенщикова (он уже чуть не 20 лет живет в Америке). Пишет, что американцы народ грубый, материальный до крайности, что даже большому писателю там легко умереть с голоду».

Таким образом он явно дает ей понять, что вопреки ее и Алданова советам он решил отказаться от намерения перебраться в США, хотя «у них даже были взяты американские визы» (см. Устами Буниных. Т. 3. С. 54.). Страх неизвестности, боязнь сорваться с насиженного любимого места и, как последняя капля, очернительское и по сути своей лживое письмо Гребенщикова — малозначительного русского литератора-эмигранта, весьма преуспевавшего в «бездуховной и малокультурной» Америке — перевесили чашу весов в душе колеблющегося Бунина в пользу выбора «остаться».

И даже последующий настойчивый совет его друга Марка Алданова не был им услышан. А ведь Алданов, уже сидящий в США, в своем письме от 15 апреля 1941 года очертил для него, в отличие от Гребенщикова, действительно реальную и весьма достойную перспективу: «Как Вы будете здесь жить? Не знаю. Как мы все — с той разницей, что Вам, в отличие от других, никак не дадут “погибнуть от голода”». Но Бунин не мог заставить себя тронуться с места, искал всякого рода, по большей части явно надуманные отговорки, о чем красноречиво свидетельствует его ответное письмо Алданову от 6 мая 1941 года: «Вы пишете: “погибнуть с голоду вам не дадут”. Да, в буквальном смысле слова «погибнуть с голода», может быть, не дадут. Но от нищеты, всяческого мизера, унижений, вечной неопределенности? *Месяца два-три* будут помогать, заботиться, а *дальше бросят, забудут* — в этом я твердо уверен. Что же до заработок, то вы сами говорите: “будут случайные и небольшие — чтение, продажа книги, рассказа...” Но сколько же раз буду я читать? В первый год, один раз... может быть, и во второй еще раз... а дальше конец. И рассказы, книги я не могу печь без конца — главное же, продавать их. И самое главное: очень уж не молод я, дорогой друг, и Вера Николаевна тоже, *очень больная и слабая*. Вот даже частность: вы пишете, что “на первое время предоставят нам комнаты в имении, в 45 метрах Нью-Йорка”. А каково в наши годы жить даже “первое время” где-то у чужих людей, из милости, подлаживаясь к чужой жизни и т.д.! Короче говоря — ни на что сейчас я не могу решиться. Визу иметь на *всякий крайний* случай (который, конечно, вполне возможен) буду рад. И если ее длительность будет *хоть полугодовая, может быть*, мы ею воспользуемся»²².

Впоследствии, как свидетельствует дневниковая запись от 27.12.1942, писатель об этом решении весьма сожалел: «Тем, что я не уехал с Цетлиным и Алдановым в Америку, я подписал себе смертный приговор. Кончить дни в Грассе, в нищете, в холоде, в собачьем голоде!» (Устами Буниных. Т. 3. С. 145). Однако, к счастью, предрекаемая Буниным трагедия не случилась. И он, и все его домочадцы, несмотря на недоедание, холод и всяческие опасности, благополучно пережили военное лихолетье. В немалой степени заслуга в этом принадлежит Вере Николаевне, которая, как явствует из публикуемой переписки, была воистину ангелом-хранителем их «коммуны» на вилле «Жанетт».

Просительные письма Буниной, а из них, собственно, как отмечалось выше, и состоит вся ее переписка с Цетлиной, помимо личных просьб, как правило, содержат и «общественную» часть. Вера Николаевна, принадлежавшая к числу наиболее активных общественников, создавших во Франции до войны отлаженную систему взаимовыручки и помощи соотечественникам, просила не только за себя, но и за других литераторов-эмигрантов из бунинского окружения. В этом смысле ее письма рисуют картину системы добровольно-общественной взаимопомощи, организованной в среде литературной эмиграции «первой волны», которая не может не вызывать восхищения, в силу своей всеохватности, действенности и мобильности.

11 сентября 1940 года

Милая и дорогая Марья Самойловна, я все это время душой с Вами и Мих<аилом> Осип<овичем>, все думаю и молюсь о Валечке <В.М. Цетлине>. Уповаю, что он останется невредим. Моя надежда вообще крепчает.

Очень грустно, что я не увижусь теперь с Вами. После Вашего отъезда в Каннах стало пусто.

Вчера провела три часа там с Верой Рафаиловной <Мартыновой>. <...>

Очень больна Есфирь Соломоновна <Познер>, но вчера от ее племянника слышали, что ей стало немного лучше.

У нас тихо. Стало свежо. Наступили волшебные лунные ночи.

Сегодня послала Лене «приглашение».

Надеюсь, что он не ринется в Париж.

Сейчас климат наш ему очень полезен, только жили бы все в мире и любви, да удалось бы его прилично питать.

С рынка пропал картофель, но я привезла за несколько дней перед этим целый мешок, прямо Бог помог. Такси в Грассе найти нельзя, я на последнем <дыхании? — М.У.> подняла картошку.

<...>

У нас опять гостила Любченко <Наталья Федоровна>, которую Вы встретили у нас как-то. Мы все любили ее и все довольны, а ведь это самое главное. Она тоже уезжает в Париж к мужу со следующим поездом после сегодняшнего.

Ельяшевичи <Василий Борисович и Фаина Осиповна> на днях переезжают в Париж на машине. Она очень слаба и боится повторения припадка. К Шуручке ни в каком случае не попадут.

<...>

Александр Михайлович <Михельсон> еще три недели будет в клинике. Значит, операция серьезная. Serge <С.А. Михельсон> после выздоровления отца хочет приехать в Канны. Заходил к нам.

Бахрах в St. Maxim's Hotel Provencol. Жду его к нам.

Мы с Яном Вас обнимаем. Г<алина Николаевна> и М<аргарита> Ав<густовна> кланяются Вам.

В.Б.

16 сентября 1940 года

Дорогая Марья Самойловна, спасибо за письмо, всегда радостно получать весточку. Как было бы прекрасно, если бы Вы еще раз сюда <в Канны> возвратились.

Ян послал Вам письмо сегодня утром, так что о нем я не пишу. По вечерам мы гуляем по нашему волшебному от луны саду, по тихой, безлюдной наполеоновской дороге²³.

Радуемся, когда в небе бегут, крутятся облака с запада. Много говорим и о текущих делах, и о литературе.

Душевно я спокойна, тревожусь только за Леню, он все еще колеблется, боится расходов.

Знаете, что я придумала, если только это Вас никак не стеснит. Я написала письмо С.В. Рахманинову <в Швейцарию. — М.У.>, Вы можете прочесть его. Мне думается, что 100% — 98% он достанет для Лени деньги. Не могли бы Вы несколько сотен перед отъездом мне оставить с тем расчетом, что, если С<ергей> В<асильевич> <...> достанет что-нибудь, то Вы возьмете <из них. — М.У> столько, сколько вы оставили — из расчета, как у нас говори<ли>, сконим. <неологизм, который, по всей видимости, был в употреблении в «русском Париже». Происходит, как я понимаю, от слова «кон»: ставить на кон — в смысле все, мол, собрать вместе, обобщить. По крайней мере, из текста письма такая интерпретация этого слова вполне допустима. —

М.У.> Пришла мне эта комбинация в голову после письма М<арка> А<лександровича>, которое мы получили на днях, что оттуда²⁴ денег пересылать нельзя. В случае же, если Вам ничего не удастся получить для Лени, эти франки <я> передам Ангелиночке тем или иным путем. Мне кажется, Вы ничем не рискуете, а даже будете иметь несколько

бумажек в запас. Весь вопрос в том, будут ли у Вас свободные деньги перед отъездом к Шуручке. Если же эта комбинация Вам не подходит, то напишите просто одну фразу «мол, что Анжелиночке пока ничего не нужно передавать». А если это возможно, то Вы передадите мне перед Вашим отъездом <...> или пришлете перевод с припиской «для Анжелиночки», а если мои надежды оправдаются, то вы от Шуручки напишете и сделаете распоряжение, что мне делать с Вашим переводом.

<...>

Кстати Нат<алья> Фед<оровна> Любченко едет к мужу. Не нужно ли Вам что-нибудь передать? Она человек толковый и верный. Сейчас ее очень жаль: у нее больна серьезно мать, которая живет <здесь поблизости, в санатории. — М.У. > у О.Л. Еремеевой. <У нее была температура. — М.У. > 40°, воспалилась вена, а муж требует <Наталью Федоровну. — М.У. > к себе <в Париж. — М.У. >. Она уже записалась на поезд.

<...>

Питание становится все хуже и хуже, но еще жаловаться рано, мясо можно доставать <фр. при желании>.

Скоро Вам напишу. Лоло хотят к Шуручке тоже <т.е. в США. — М.У. >, пишут, что она предлагает на полгода бесплатное содержание!

О Господи! Да как Вы думаете, не мог бы Долгополов прислать мне оставшиеся деньги. Любченко отвезла бы их Фаине Осиповне. Она уже у себя. <...> Обнимаю. Целую. Ваша. В.Б.

20 сентября 1940 года

Дорогая Марья Самойловна, спасибо за письмо.

Не убивайтесь очень о Валечке <В.М. Цетлине>, верьте, что он уцелеет. Я надеюсь, если буду здорова, поехать в церковь — Рождество Пресвятой Богородицы, и помолюсь о нем. Не расстраивайте своего здоровья, Вы ведь всем нужны, особенно своим.

Оказывается, Л.Г. Добрая в Монте Карло, <М.Л. > Кантор забыл мне передать от нее поклон. Ее брат и belle souier <фр. невестка> очень много перенесли во время бегства из Парижа «по пяти километров в час», приходилось во время налетов прятаться в кусты и нельзя было достать нигде куска хлеба... А у нее было еще воспаление вен на ногах. Л<юбовь> Г<ермановна> пишет, что у нее самой ощущение, что она перенесла тяжелую болезнь.

Бахрах на этой неделе написал, что придет в четверг — пятницу, сегодня пятница, уже четвертый час, а его нет как нет. Он писал, что он должен решить, «в какую пропасть бросаться», и хочет перед этим повидаться со мной. Но, видимо, не очень спешит.

У нас декрет — опять закрывать окна, к<а>к во время войны.

Консервы и картофель будут выдавать по карточкам.

<...>

<П.Б. > Струве событиями был потрясен, даже заболел, что-то с сердцем. Теперь следит с большим интересом за развитием событий, встает с сыном в 4 ч<аса> утра ради какой-то газеты.

Вот живой человек! Много бы дала, чтобы его теперь послушать. Я вообще очень люблю его слушать, даже когда не согласна с ним. Есть такие люди, к ним принадлежит и <Антон Владимирович> Карташов, но он даже художник слова — все у него внутреннее.

Ян, слава Богу, стал подолгу сидеть за письменным столом. Войдешь, у него невидящие глаза. Но это не художественное произведение, а что-то другое, сужу по некоторым признакам.

Марка Алекс<андровича> не видим, они, вероятно, у Вас <в Марселе. — М.У.> теперь.

Не было у Вас известий об Ангелиночке, хотя бы через Шуручку?

Жизнь наша течет пока тихо, тем мало. Дежурство, чтение, мысли о питании — походы за продуктами в полупустые магазины, краткие завтраки и обеды, письма, постукивание на машинке, вечерние прогулки — вот, собственно, и все.

Храни Вас и всех Ваших Бог. Не теряйте мужества.

Мы с Яном Вас и Мих<аила> Ос<иповича> обнимаем и целуем.

Гал<ина> Ник<олаевна><Кузнецова> и Мар<гарита> Авг<устовна> <Степун> имеют Вам сердечные приветы.

Ваша Вера Бунина

В письме от **25 сентября 1940 года** Бунина благодарит Цетлину «за обещание в случае возможности пойти навстречу моей комбинации» (см. выше письмо от 16 сентября), сообщает: «У нас гостит Бахрах. Очень приятно. Он изменился к лучшему и внешне, и внутренне. Загорелый, подтянутый. Много и интересно рассказывает, кратко, ясно и с юмором. Он вносит в нашу атмосферу спокойствие и душевный уют. <...> Леня решил ехать к нам. <...> Мы <...> в Канны почти перестали ездить, <они> очень опустели. Я только в церковь, но нечасто. <...> Ян, слава Богу, пишет, иногда по целым дням. <...> Мы теперь можем в 9 ч<асов> 30 <минут> вечера слушать Москву и бой на Спасских часах. Устроили антенну, которой целый год не было. <...> Я стараюсь выдерживать диету, в награду похудела еще — линия налицо — что, впрочем, вызывает не восхищение у моих мужчин, а страх, и меня стараются пичкать. У нас месяца за два были гости раза два — мало кто решается взять нашу гору, а я за это время была всего раз на именинах. Но скуки не испытываю и духом бодр. Если все здоровы, то жить еще можно. Если есть деньги, то питаться еще можно хорошо, несмотря на то, что на рынке нет яиц, почти никогда масла, рису, многое дается по карточкам и в небольшом количестве, но все же еще можно есть вкусно. Появилось новое блюдо — кус-кус — африканская каша, среднее нечто между манной и пшенной крупями.

Встаю я с солнцем, слава Богу, оно теперь встает не рано, и часто на рассвете ухожу на базар, и как этот час бывает несказанно прекрасен. Во всем есть и хорошая сторона, умей только отыскать ее.

<...> Я послушалась Вас — разрешила Вашу простыню на две, и теперь в них спит Бахрах».

Villa Janette <Вилла «Жанетт»>

9 октября 1940 года

Дорогая Марья Самойловна, давно не писала Вам.

День за днем идет. Жизнь однообразная. Прибавилась работа: Ян дает перестукивать. Бахрах еще у нас. Очень приятный. Уезжает в Ниццу на следующей неделе со всякими планами, но осуществятся ли они, один Бог знает. Книгу, которую Вы взяли, <для нас. — М.У.> мы не получили. Послали ли Вы ее? Или она еще у Вас? Я запомнила, Вы что-то о ней писали в письмах к Ив<ану> Алек<сеевичу>.

Если все будет благополучно, то 17 октября — на следующей неделе, Леня приезжает к нам. Доктор ему сказал, что в Париж или какое-либо другое место он не посоветовал бы ему ехать, но в Грассе для него жить хорошо. Но жить он должен по санаторски год. Не утомляться. С одной стороны, хорошо, но с другой, над нами висит угроза: хозяйка написала, что на срок сдать виллу нам не может, так как сама думает вернуться на Janette, и, когда предупредит, очистить виллу мы должны быстро. И тогда неизвестно, куда мы кинемся... Но не будем гадать, надо жить настоящим и самым ближайшим будущим.

Галя и Марга будут с нами четыре дня в неделю, а три у маркизы²⁵. <...> Может быть, это и не так и плохо! Тем более, у них там комната с ванной, пианино и письменным столом, и М<арго> может заниматься не только педагогикой, но и пением, да и атмосфера там музыкальная. Что для нее очень приятно; будет в лучшем настроении, а то она чувствовала себя и физически плохо в последнее время.

А как Вы? Ваши планы? Неужели не увидимся?

Ян вчера был в Ницце, но Мар<ка> Ал<ександровича> <Алданова> не застал, да и никого не было дома. Не уехали ли они?

Как-то к нам приехал М<арк> Ал<ександрович>. Вид у него — Вы знаете — какой... Они в полном восхищении от Вас. Рассказали, как Вы живете, и я пожалела, что Марсель не в Каннах.

Осень ранняя, совсем иной раз холодно, и солнце не всякий раз показывается.

Нет ли у Вас известий от Валечки? Оттуда письма приходят? А что Анжелиночка? Кто уже у Шурочки? Что жалуется?

Открытку от Мих<аила> Ос<иповича> получила, спасибо, что написал.

<...>.

В Раи <г. По. — М.У.> времени не теряют. Они сняли дом для докладов и концертов. Приходят и французы. Михельсоны снимают виллу.

В Каннах я не была уже целую вечность, с 23 сен<тября>. Пойду в церковь в понедельник, мой любимый праздник — Покров.

Обнимаем Вас и милого Михаила Осиповича. Галя и Маргарита Ав<густовна> шлют вам сердечный привет.

Бахрах целует Вашу руку и кланяется Мих<аилу> Ос<иповичу>.

Целую Вас Ваша Вера Бунина.

P.S. А. Даманская, несчастная, тоже деньги <...> не получила. Я написала Нат<алье> Из<натъевне> <Михельсон>, чтобы Долгополов сделал заявление на post <почте. — М.У.>.

20 октября 1940 года. Утро.

Дорогая Марья Самойловна, во-первых, простите, что пишу на машинке — очень некогда, а во-вторых, что красной лентой, на синей пишу рассказы И<вана> А<лексеевича>, и нужно так или иначе истратить и красную часть: двойную ленту мне поставили самовольно, когда поправляли машинку.

Вчера И<ван> А<лексеевич> с Бахрахом ездил в Ниццу и видел М<арка> А<ександровича>. Сегодня они, как Вы знаете, покидают наши места. Как-то очень грустно. Но климат им вреден <намек на опасность для евреев Алдановых оставаться во Франции. — М.У.>.

Слышала, что Вы еще в Марселе, потому решаюсь еще писать. Спасибо за открытку. Где же будет жить Анжелиночка? Нет ли известий о Вале?

Приехал Леня, пока все, слава Богу, только началась возня, чтобы ему остаться тут. Надеюсь, что его оставят, так как он жил в Грассе семь лет и собственно во Францию приехал именно сюда. У него и нансеновский паспорт выдан из департамента Альп Маритим. Вид у него хороший, но вести должен еще минимум с полгода, а может быть, и год правильную жизнь, если не хочет повторения, так ему внушительно говорил французский врач и отпустил из санатория домой только в Грасс, в Париж или другое место с плохим климатом его не отпустили бы. Он наслаждается отдельной комнатой и уже стал понемногу писать. Привез два чемодана рукописей. Говорит, что первую часть он может здесь написать.

Галя и Марго «уик-энды» теперь проводят у маркизы, а мне эти дни напоминают прежнее время, когда я одна жила среди мужчин. И знаете, время очень приятное, хотя работы по дому гораздо больше. Мы теперь так распределили, когда они здесь, то

работают они, когда их нет, то мы, то есть я. Бахрах помогает тем, что носит нам снизу продукты. Благодаря ему, мы кое-что теперь имеем. Стали есть новую кашу кус-кус. Вкусно. Нет картофеля, это чувствительнее всего. Без него трудно обходиться, а между тем до открытия Америки его не существовало в Европе, и никто о нем не думал, как думаем мы теперь...

<...>

Приехал <Григорий Максимович> Луниц²⁶, но то, что он сообщает, Вы узнаете от М<арка> Ал<ександровича>. Я рада, что Любовь Александровне <Полонской> будет не так одиноко. Я у них была в Ницце, и вид их разорвал мне сердце. У Л<юбовь> Ал<ександровны>, которая очень похорошела, в глазах такая скорбь, что только на картинах видала. Сам <Яков Борисович> Полонский тоже подавлен. А Ляля, сын их <Полонский Александр Яковлевич> стал красавцем, конечно, еще ничего путем не понимает, а потому его еще больше жалко. Они мне сказали, что не могут найти человека, который бы за них поручился <для получения американской визы. — М.У.>.

В Каннах я не была месяц.

Любченко уехала в Париж к мужу в бесплатном поезде.

Умер доктор Хофбаум здесь, отец художницы Логиновой<-Муравьевой>, которая стала химичкой и получает в Лионе хорошее жалованье. Ее муж ученый, они тоже подумывают о Шурочке <т.е. о переезде в США>.

Погода у нас очень прохладная. Хуже всего у нас, женщин, с чулками, я до сих пор хожу только в носках. Наша с вами милая педикюрша сказала, что если я запущу, то могу охрометь и колено может распухнуть. Вот поэтому я и держу его в относительном тепле.

Бахрах и Леня целуют Вашу руку, шлют привет со всякими пожеланиями Вам и Михаилу Осиповичу. А мы с Яном Вас обоих целуем с большой нежностью. Храни Вас Бог и всех близких Ваших. Ваша Вера Бунина.

Приписки на полях:

Боюсь, что это письмо Вас не застанет. Пишу на всякий случай.

На всякий случай адрес наших друзей в Базеле. Doctor Elsa Maller
(Эльза Эдуардовна) Tyllenger str. 56, Basel Suisse.

Если что будет нужно Ангелиночке, и я в состоянии буду сделать, сделаю.

Это письмо завершает «французский период» переписки военных лет, т.к. Цетлины покинули Францию в ноябре 1940 года. Бунин 22.12.40 записывает в дневнике: «Письмо от Алданова из Лиссабона (послано 13 дек.). Цетлины тоже в Лиссабоне, визу в Америку еще не получили. Алдановы уезжают 28 дек.).

Судя по всему, Цетлины выехали из Лиссабона вслед за Алдановыми и спустя где-то неделю прибыли в США. Т.о., последнее письмо Буниной от **1940 года — от 15 декабря**, было отправлено уже на адрес А.Н. Прегель в Нью-Йорке.

Оно начинается с поздравления по случаю дня рождения Шурочки. Затем следует подтверждение, что из неоккупированной зоны в оккупированную можно посылать «почтовые переводы до 2.000 франков» и подробный отчет о финансовом положении общих знакомых-литераторов. Далее Бунина пишет: «Помощь Тэффи необходима <...> Чек, посланный д<октором> Долгополовым, видимо, не попал в руки Фаины Осиповны — месяц тому назад она просила меня выслать ей эти деньги... Александра Львовна <Толстая> известила, что посылка денег запрещена. Мережковские получают из мэрии по 8 франков в день на человека. Лоло гонят с квартиры. Даманская в полном отчаянии — так и не дошли до нее 300 франков из По. Зайцевы известили besoin de provisions et d'argent <фр. — нужда в провизии и деньгах> <...>. Ремизовы и Шмелев тоже без всяких средств. От Алексея Петровича Струве знаю, что Роцин, Михаил Струве и Лоллий Иванович Львов без работы. Относительно писателей из «Объединения» <парижский

«Союз молодых писателей и поэтов. — М.У.» у нас имеется мало сведений: Ладинский <А.П.> уехал из нашей зоны, адреса не оставил. Адамович в Ницце, слышала, что он нуждается. Червинская <Лилия Давыдовна> в <русском пансионе на Лазурном Берегу. — М.У.> La Favière, Яновский в Тулузе. <Довид> Кнут в Тулузе. <Владимир> Варшавский в плену. Об остальных ничего не знаем, никто почти не пишет».

Письмо, несмотря на описанные бытовые трудности и дурные вести о близких знакомых, заканчивается на весьма оптимистической ноте: «Встаю я с солнцем, слава Богу, оно теперь встает не рано, и часто на рассвете ухожу на базар, и как этот час бывает несказанно прекрасен. Во всем есть и хорошая сторона, умей только отыскать ее. Еще раз шлю Вам поцелуи, приветы, поклоны, всем на выбор. Да хранит Вас Бог. В.Б.». Далее следует приписка рукой Бунина: «Дорогие мои, обнимаю Вас от всей души. Передайте мои поцелуи Алдановым. Храни Вас Бог».

В отличие от своей неунывающей жены сам Бунин, явно испугавшийся навалившихся на него бытовых проблем, шлет Цетлиной подряд два исполненных отчаяния просительных письма — от **24.01.1941**: «Дорогие Марья Самойловна и Михаил Осипович, надеюсь, что Вы уже у Александры Николаевны. Спешу сообщить Вам, что до сих пор я из Америки не получил еще ничего и что мы находимся в положении *совершенно катастрофическом* — доживаем последние гроши, в полном голоде и адском холоде. Помогите через кого-нибудь ради Бога» и **24. 01.1941**: «Дорогая Марья Самойловна, материальное положение наше с тех пор, как мы расстались, ухудшилось до крайности — я никогда в жизни не был в таком отчаянии, как теперь. И ниоткуда помощи. Расходы, при всем нашем страшном холоде и голоде, страшные (не говоря уже о налогах по Парижу и по Грассу, по *taxe de séjour* <фр. — налогу на проживание>, по электричеству и т.д.) и при том нас 6 человек — ибо *куда, куда* я дену М<арго>, Зурова, Бахраха!! Они все без гроша и все больны. Не могу писать — руки трескаются от холода».

Правда, что весьма интересно (*sic!*), интимные записи за это время — в дневнике <см. Устами Буниных. Т. 3. С. 77–80.> выдержаны во вполне спокойных тонах, по крайней мере «воплъ отчаяния» из них не прочитывается.

13 января (31.12.40) 1941 года

En gusse <фр. — по-русски>

Милая и дорогая Марья Самойловна, если бы я не была лирической душой, то у меня не хватило бы сил сесть за письмо к Вам, — хотя я каждый день собираюсь сделать это, — но желание мысленно провести с Вами этот вечер, столь для нас памятный²⁷, заставляет превозмогать большую усталость, почти не замечать боли в спине и нарушить строгое предписание Лени лежать после обеда.

В этом году этот вечер будет отмечен письмом к Вам.

<...>

Сначала поговорю о делах. Все, что Вы пишете о нашем Аморе <АМАUR — благотворительный кружок> очень хорошо, хотя **m-me Копп** и не очень надежный человек. Когда мы у нее были с Нат<альей> Иг<натъевной> <Михельсон. — М.У.>, она обещала много, а на деле оказалась гораздо труднее многих и многих «клиентов». Но, может быть, если она сама возьмется за дело, «то будет музыка не та». Дай-то Бог. Из Парижа я получила известие, что наш друг **А.М. Ор** *en bonne santé* <фр. — здоров>, меня это обрадовало. Подробностей не знаю. В Канны приехали Каплинские²⁸. Она дала мне сто фр<анков>, которые я перевела Лоло, и сказала, что будет мне давать ежемесячно (Даманская так и не получила 300 фр<анков> от д<октор>а Долгополова). Но, с другой стороны, печальные вести: серьезно больна Фаина Осиповна <Ельшевич>. Она много делала. Относительно Тэффи, как хотите, — ведь все равно, если что будет, то будет иное. Вы можете там обдумать и послать по Вашему усмотрению кому хотите. Ведь если, не дай Бог, Фаина Осиповна <> перестанет работать, то здесь я останусь в единственном

числе, Нат<алья> Иг<натъевна> <Михельсон> уже давно собственно перестала интересоваться этим делом.

Было письмо от Рогнедова. Он в Мадриде, устраивает лекции Claud'y Far< rère >²⁹, кажется, хочет привезти туда и Мережковского, хотя пишет, что Дм<итрий> С<ергеевич> в Испании неизвестен. Тэффи в Биаррице, там и Ивановы <Г.И. Иванов и И.В. Одоевцева>, <Юрий> Фельзен уже в Париже. Зайцевым Рогнедов послал посылку.
<...>

У нас уже в три мясные дня нет мяса. Сегодня спасались колбасой, я больше вприглядку. Зато получили <неразборчиво> масло сливочное и вместе с ним кускус. Морковь исчезает, сегодня на рынке удалось достать лишь фрукты. Пока есть капуста. Но лука — нет, чеснока тоже нет. Относительно картофеля — время до открытия Америки <т.е. полное его отсутствие. — М.У.>. Много фиников, есть мандарины, яблоки, но дорогие. Сыр я сегодня видела, но купить не могла: теперь каждый обыватель должен быть приписан к какому-нибудь магазину и может покупать тот или иной продукт не только по карточкам, но и в одном только своем магазине. Очередь большая за кониной и перед колбасными <изделиями. — М.У.>. пропали все консервы с овощами. Остались лишь фруктовые соки.

Здоровье мое не очень хорошо. Бывают и припадки <сердечные. — М.У.>. Сижу на строгой диете. Устаю быстро. Утомляет беганье по магазинам. Стояние в мясном, в счастливые дни, когда он открыт. Из конфет остались лишь fruits confits <фр. — цукаты>, но они дороги. Марг<арите> Авг<устовне> и Лене дано молоко — это украшает и наш утренний завтрак.

Ложусь спать. Утром надеюсь написать еще листок. Завтра поеду в Канны к Каплинской. М<ожет> б<ыть>, зайду к Ангелиночке.

Леня меня очень радует в духовном отношении. Он поддерживает атмосферу. Много работает над своей книгой. Старается вести правильный образ жизни. Не расходует зря своих сил. Редко куда выезжает. В Каннах еще не был. Если бы было настоящее питание, то, вероятно, он бы быстро поправился. Но все терпимо, если он будет вносить в общий котел 300 фр<анков>. Бесплатно ему жить, где он живет, нельзя. Вы знаете его средства. Без внешней помощи ему не обойтись. Он лично написал Алек<сandre> Л<ьвовне> <Толстой. — М.У.>, в этом месяце ему немного прислали из Швейцарии. Я писала Эльзе Эдуардовне Mahler, которая с ним дружна, и она где-то достала ему 100 фр<анков> французских. Да, я забыла: Эльза Эдуардовна просила передать Вам, что она охотно исполнит всякое Ваше поручение. Она ученица Ростовцева. Профессор Базельского у<ниверсите>та, два раза получала премии от университета <для> женщин — одну в 20.000 фр<анков>, другую в 6.000. И необыкновенно милый и простой человек. Живет с подругой, тоже ученицей Ростовцева, лингвисткой. Леня недавно получил открытку от них с припиской, и от Аллы <Сергеевны> Головиной, значит, она здорова.

Ну, вот вам и отчет о нашей маленькой жизни.

Да, Лене разрешено жить до 1 апреля. Но я надеюсь, ему продлят. Сегодня вызывают Алю <Бахраха> в полицию. Читала в последнее время Чехова. Понятно, почему у нас произошла революция. Много замечательного он написал. И когда читаешь его сплошь, то понимаешь, что главная беда это в безрелигиозности всей жизни. «От нее <религии. — М.У.> все качества. Жизнь должна быть проникнута религиозным, так сказать, ощущением, а без должна быть свободна от всяких изуверств и свободна до бесконечности. И каждый человек должен быть бы внутренне свободен и религиозен, но это, конечно, утопия.

Получила известие, что у Валечки <сына Цетлиных. — М.У.> все есть, кроме масла. Дух у него крепок.

Напишите подробности о Вашей жизни. М<ожет> б<ыть>, и Мих<аил> Ос<ипович> раскачается и напишет. Кто еще с Вами?

Александр Васильевич <Бахрах> вчера завтракал у Рашель. Они здоровы <т.е. вне опасности>. Вера Раф<аиловна> переезжает в Ниццу.

Ну, вот накатала Вам длинное письмо.

Да, забыла: мне тоже очень хотелось бы конец нашей жизни провести вместе. И знаете, мне кажется, это будет там, где родилась Ангелиночка <т.е. в Москве>.

<...>

А у Илюши <Фондаминского> нет больше книг³⁰. А Софья Михайловна З<ернова> заболела, видимо, затяжной болезнью. Все шлют дружеский привет. Мужчины <Бахрах и Зуров> целуют Вашу руку. Кланяются все Мих<аилу> Ос<иповичу>.

Мы с Яном <И.А. Буниным. — М.У.> обнимаем Вас.

Храни Вас Бог.

Ваша Вера Бунина.

Следующее письмо, посланное на американский адрес, не датировано, но, судя по тексту и последующим уточнениям Буниной (см. ниже письмо от 3 февраля 1941 года), оно было написано **14–16 января 1941 года**.

Дух у меня бодр. Я легко переношу продовольственные лишения. Убивает быстрое утомление — нужно много лежать.

16 января. Утром 14. I успела написать одну лишь фразу.

Теперь, чтобы попасть в автобус и сидеть, нужно потратить час для получения билета, а так как у меня были еще дела в городе, то я вышла во вторник за два часа. Покупки оставила в знакомом магазине. Простояла 1/2 часа в очереди, была вознаграждена, получила первое место.

Приехав в Сappes <Канны>, решила пойти к Ангелиночке. Она уже на ногах: синие штаны, коричневый шерстяной жилет с рукавами. Вид здоровый. Красива. Повзрослела еще <27.10.1941 г. А.М. Цетлиной-Кривицкой исполнялось 24 года. — М.У.>. На подбородке три-четыре красных пятнышка. Ванюшу не видала. Я не хотела после нее идти к нему. Застала ее за переписыванием воспоминаний Paul'я <Павла Кривицкого> — как трогательно! Она очень довольна, как хозяйка нянчит Ванечку. Обещала приехать к нам одна: «можно ребенка оставить на хозяйку». Довольна, что стала столоваться дома: «Прибавилось много времени».

От нее пошла к Каплинским. Завтракала. В пятом часу ушла. Опять час пропал на билеты. Теперь нужно на станции покупать билеты, а не в автобусе, касса открывается за 1/2 ч<аса>, а чтобы получить сидячие, мне нужно тоже встать в очередь за 1/2 ч<аса>. Ехать было холодно. Выйдя из автобуса, зуб на зуб не могла попасть.

Зашла в магазин узнать: взяты ли продукты, купленные утром. Обогрелась немного. Узнала, что Леня заходил и взял. Еще кое-что купила. В это время поднялась луна. Безлюдье. Тишина. Морозец. Очарование почти мистическое. Тихо поднималась, но все же чувствовала утомление с каждым шагом. Дома. Крик Лени: «Что с Вами, Вы — серая, на вас лица нет?!» — «Устала»... они уже обедали. Я села, похлебала супа манного, вкусного, а потом — тушеная капуста, второй раз в день. Вкусно, но думаю, мне вредно. Сразу легла. Немного першило в горле. Да так и пролежала почти весь вечерний день. Был и припадок, возможно, от капусты и усталости. Держать диету сейчас почти невозможно. Даже не всегда возможно приготовить «легюмный» <от фр. *soupe de légumes* — овощной> суп. Ян и Леня волнуются, что я хуюею, трогательно уделают от себя орехи, варенье... Говорят, что трудны будут следующие три месяца. Но я надеюсь на Бога. Мама во времена большевизма писала: «Бог даст день, Бог даст пищу». Хуже там, где Борис — Вера <Зайцевы>. Как они там крутятся?

<...>

Ив<ан> Ал<ексеевич> перестал писать, но за письменным столом проводит много времени. Страдает от холода. Страдает и от скудости питания. Но духом не падает. Сравнительно здоров, хотя опять начались боли вокруг глаз.

Алек<сандр> Вас<ильевич> <Бахрах> делает вылазки в Канны и Ниццу. Есть какие-то виды на будущее. Его присутствие развлекает Ив<ана> Ал<ексеевича>. Он думает с ним поладить, так что мы все рады, когда он у нас. К тому же он единственный, кроме Гали, кому не опасно носить тяжелые мешки, хотя носили мы все, но когда он у нас, то он это берет на себя.

Галя <Кузнецова> и Марг<арита> Авг<устовна> <Степун> переболели — грипп. Давно не ездили в Канны. Думаю, что Марг<арита> Авг<устовна> больна серьезно, но она перемогается, конечно, ей необходимо усиленное питание, «но где его замызгать», — как говорил один мужик. Кстати, если будут давать что-нибудь у Шуручки, не забудьте и о Гале. Ведь ее положение тоже трудное, хотя на обувь и лекарства...

На этом предложении письмо обрывается. Его последняя, по-видимому, страница не сохранилась.

28 января Цетлиной посылает письмо Леонид Зуров. Содержание его касается только лишь продуктов питания, которые от Цетлиной с надеждой ожидают обитатели виллы «Жанетт».

На почтовой открытке (Carte postale).

28 января 1941 года

Милая Марья Самойловна! Получил Вашу открытку от 16/1-го. Большое спасибо. Шлю сердечный привет Михаилу Осиповичу, Шуручке и Софье Юльевне Прегель с мужем. Очень меня обрадовали Ваши заботы о Вере Николаевне. Она соблюдает печеночный режим. Я думаю, что самое лучшее — посылать ей сухое молоко, рис, калифорнийский виноград, сахар, сухое варенье — фрукты или смокву, чернослив, а если возможно, чистое сливочное масло. Все это согласно режиму и Вашим милым советам не вредит ее здоровью. Я получаю небольшое количество молока и делюсь им с Верой Николаевной. Вашу посылку из Испании она до сих пор не получила. Боюсь, что она пропала в пути.

Наша усадьба была захвачена гриппом. В<ера> Н<иколаевна> перенесла его, теперь настал мой черед — переносу его стойко. Жизнь наша течет однообразно, вестей получаем мало. Главные заботы — продовольственные. Нужно стоять в очереди за кониной. А очередей — две. Первая для записи, а вторая (через несколько дней) — для получения.

<...>

Вера Николаевна, Иван Алексеевич и А.В. Б<ахра>х шлют Вам привет.

Целую Вашу руку, желаю радости и добрых дней. Ваш Л. Зуров.

Всем общим знакомым шлю сердечный привет и пожелания бодрости и здоровья.

Л.З.

En russe

3 февраля 1941 года

Милая, дорогая Мария Самойловна, не знаю, получили ли Вы мое письмо от 14–16 января. Надеюсь, что во всяком случае оно будет Вам переслано. Оно длинное, и жаль, если пропадет.

Не знаю, как вас благодарить за Вашу заботу обо мне. Она трогает меня до глубины души. Спасибо.

Погода опять стала скверной. Холодно, туманно, но топки не топим. Только немного у Ив<ана> Ал<ексеевича> наверху, где есть маленькие печки.

Все переболели, кто на ногах, кто в постели. Зуров дней пять пролежал, стал кашлять. Я, конечно, испугалась. Но, слава Богу, температуру сбили быстро. К

сожалению, погода не жалуется. А тут еще молоко пропало. Больше недели не выдают, а оно ведь иногда основа его питания. Мясо получаем раза два в неделю. Хорошо организована выдача. Короче стали хвосты.

Печально начался год: 10 января скончалась Фаина Осиповна <Ельяшевич> от раковой опухоли на мозгу. Сильно страдала, три дня перед смертью была без сознания. Я была с ней связана сорокалетними дружескими отношениями. О Василии Борисовиче <Ельяшевиче> мне страшно думать. Сорок четыре или пять лет они женаты, да 4 года он был у матери Ф<аины> Ос<иповны> жильцом, значит, под одной кровлей прожито почти полвека, а теперь он оказался «tout tout nul» <фр. — совсем голый>, как он написал мне. Все родные его в России. <...> Наталья Ивановна <Кульман> тоже в удрученном состоянии. <...>

Обнимаю Вас и целую со всей нежностью. Дружеский привет Мих<аилу> Ос<иповичу>. Желаем <счастья> всем Вам и Вашим.

К концу апреля 1941 года настроение у Буниных явно стабилизировалось, состояния отчаяния и безысходности отступили перед человеческой приспособляемостью к условиям реальной жизни. Это видно из письма Буниной к Цетлиной от **27 апреля 1941 года**, где, например, есть такие строки: «Вообще установился новый быт, в который мы уже вжились. И если бы у меня было больше сил, то я с удовольствием проводила бы иногда время в очередях. Много новых черт узнала я во французском народе, больше почувствовала страну. Надо сказать, что я очень бодрa духом и даже нахожу, что в такой трудной жизни есть и своя хорошая сторона. Все стали менее требовательны. Капризам места нет, но это, конечно, хорошо с духовной стороны, а с физической — трудновато».

Во всех письмах Веры Николаевны тема питания всегда стоит на первом месте — как одна из самых актуальных и болезненных. Бросается в глаза, что при всех перебоях с продуктами питания и резком ограничении их ассортимента ни о каком настоящем голоде на Лазурном Берегу и речи быть не могло! К тому же Бунины регулярно получали продовольственные посылки из разных стран — США, Швеции, Швейцарии: «За последнее время я стала из Лиссабона³¹ получать разные съедобные вещи и сразу почувствовала прилив сил!» Далее следует подробное описание их ежедневного рациона: «Мы пита<емся> почти исключительно овощами, но без картофеля, почти стали травоядными животными. Мясо имеем два раза, а иной раз и один в неделю, раз в неделю, а иногда раз в две недели выдается что-нибудь из колбасной, в последний раз по 50 гр. на лицо. Но были и этим довольны: на Пасху была ветчина! Правда, по лепестку, но и это было приятно. Было и несколько крашенных яиц. Вот и все из пасхального стола!» — это выдержки из письма от **27 апреля 1941 года**, в котором ниже имеются такие вот строчки: «На праздниках все, кроме меня, побывали в гостях, и кто-то покушал курочки, кто уточки. А у меня на первый день был длительный припадок <желудочные боли. — М.У.>, и я не поехала, куда была приглашена. Но курицу тоже попробовала, мне прислал хозяин <одного дома. — М.У.> вместе с И<ваном> А<лексеевичем>. И, нужно сознаться, вкусной она мне показалась такой, что и сейчас вспоминаю с волнением».

И хотя Вера Николаевна страдала от язвы и опущения желудка, т.е. имела право не держать постов, ее — воцерковленной православной женщины — постоянные сетования по поводу отсутствия достаточного количества мясной пищи, звучат довольно странно. Скорее всего, это все-таки калька с эмоциональных выплесков мужа, который часто высказывал недовольство по поводу скудности повседневного пищевого рациона — см. об этом в упоминавшихся уже выше мемуарах А.В. Бахраха «Бунин в халате. По памяти, по записям».

Из скупых строчек этого письма, касающихся французов, среди которых обретались Бунины, явствует, что несмотря все трудности быта, и в первую очередь нехватку продуктов питания, никаких выпадов против «объедающих» местный народ чужаков со стороны провансальцев не было. Всегда — и в переполненном транспорте, и в

полупустых магазинах, и в нескончаемых очередях, отношение к ним было неизменно доброжелательным. Об этом свидетельствует хотя бы такое высказывание Веры Николаевны — режущее ухо человеку, знакомому с практикой советских очередей: «Если бы у меня было больше сил, то я с удовольствием проводила бы иногда время в очередях» (sic!).

В этом своем письме, помимо сетования по поводу очередей, плохой работы транспорта и сведений об общих знакомых, Бунина также рассказывает, чем каждый из членов грасской «коммуны» занят: «Леня <...> работает над своим романом и, кажется, доволен с этой стороны своей жизнью. Марга продолжает ездить к маркизе <графине Сент-Экзюпери>, которая недавно давала концерт, нужно сознаться, что Марга, действительно, хороший профессор пения. Она сделала из маркизы то, что едва ли многие могли бы сделать, ибо голос у нее «никакой», как говорит Зинаида Николаевна <Гиппиус>. Кстати, о них <Мережковских> ничего нам не известно. <...> Галя много работает по дому. Стоит в очередях. Иной раз имеет очень хороший вид. Что меня пугает. Ведь у нее тоже не все благополучно с легкими. Очереди и меня очень утомляют. В прошлую субботу я неожиданно отстояла три, и пришлось зайти в аптеку, так как голова закружилась. Мне что-то дали, и я ожила.

Иван Алексеевич, конечно, освобожден от этих очередей, но и ему приходится, и не раз, спускаться в город и ходить по лавкам. Бахрак тоже ежедневно ходит и то одно, то другое, в основном овощи, притаскивает. Происходит это от того, что часто не бывает то одного, то другого продукта. Выдают на лицо известное количество и, если нет карточек, то нужно каждому самому лично получить этот продукт.

<...> А на автобусах ездить стало еще труднее, чем при Вас. Те же очереди и у нас, и в Каннах. И бывает, что до кассы дойдешь, а билетов уже нет, и жди еще час, полтора следующего. Поэтому я почти не езжу в Канны. Даже на Страстной была только раз, в Великую Пятницу.

Здесь следует особо подчеркнуть, что бытовая среда в грасской «коммуне», где под одной крышей собрались четыре писателя и артистка, отнюдь не являлась идиллической, на что Бунин все время сетовал в своих письмах и дневниковых записях. Бунин, как и большинство творческих людей, был подвержен затяжной меланхолии, а то и депрессии, к тому же он был очень вспыльчив и весьма капризен в своих отношениях с окружающими. В свою очередь, страдавший туберкулезом и психическим расстройством Зуров временами вел себя исключительно вызывающе и грубо. Да и «дамы» подливали масла в огонь. Вере Николаевне то и дело приходилось гасить конфликты, успокаивать, разводить, отвлекать. На ее постоянной заботливости, христианском смирении и природной доброте, по сути своей, держалась вся жизнь на вилле «Жанетт».

Впрочем, и сам Бунин был привязан к своим домочадцам: «Нет, бунинский дом был не “гостеприимной кровлей”, а чем-то несравненно большим. Своего гостя или, вернее сказать, жильца, чтобы не говорить приживальщика, Бунин как бы приобщал к своей семье, и хотя за глаза нередко на него бурчал и в письмах мог над ним едко иронизировать, а то и красочно ругать, он готов был всячески его опекать, в критические минуты вставать на его защиту и не хотел с ним расставаться»³².

Цитируемое выше письмо Буниной было опубликовано Надеждой Винокур с купюрами. Ниже воспроизводится один опущенный ею фрагмент, в котором содержится важная, с точки зрения биографии В.Н. Буниной, информация.

Очень волнуюсь за Петра Бергардовича <Струве>. После 22 марта от них не было известий. У жены его что-то плохо с ногами. Средств у них никаких. Может быть, можно было узнать о них. Ростовцев его большой друг. Там же <в Белграде. — М.У.> живет Маня Брянская — самый близкий человек всей моей жизни.

<...> Получила письмо от т-т Гандельман³³. Она описала состояние Нат<али> Ив<ановны> Кульман. Горе ее не поддается описанию. Она пишет, что плачет и днем и

ночью. Теперь утешает ее работа над курсом Ник<ола>я Кар<ловича> <Кульмана>, который он читал в Сорбонне 17 лет по русскому языку. Я слушала его. Это был очень интересный курс. У нее был сильный припадок, и это заставляет ее спешить с работой. У Веры Алексеевны <Зайцевой> было тоже два сильных сердечных припадка. Борис <Зайцев> сильно исхудал, похож, по его словам, на Ганди.

Больше писем за 1941 год в архиве нет, не имеется также никаких указаний на их получение и в дневниках Буниных. По-видимому, интенсивность переписки после нападения немцев на СССР резко снизилась, за весь последующий военный период сохранились только два письма, публикуемые ниже — за 1942 и 1944 годы.

22 июня 1941 года Бунин записывает в дневнике: «Пошли на войну с Россией: немцы, финны, итальянцы, словаки, венгры, албанцы (!) и румыны. И все говорят, что это священная война против коммунизма. Как поздно опомнились! Почти 23 года терпели его». «Страшные бои у русских и немцев. Минск еще держится. Желтоватая, уже светящаяся половина молодого месяца. Да, опять “Окаянные дни!”» «Газеты и радио — все брехня. Однако ясно пока: “Не так склалось, как ждалось”» и «Россия будет завоевана? Это довольно трудно себе представить», — записи И.А. Бунина от **30.VI.41**, **01.VII.41**, **29.VII.41** и **19.IX.41** <см. Устами Буниных. Т. 3. С. 99, 101, 105 и 111>.

Находясь под мощным информационным давлением германских и прогерманских средств массовой информации, предвещавших неминуемое поражение СССР уже в самое ближайшее время, и неутешительных сводок «от Советского информбюро», которые «коммуна» слушала по приобретенному с этой целью коротковолновому радиоприемнику, все домочадцы виллы «Жанетт» испытывали чувства подавленности и отчаяния. И если Бунин, судя по его дневниковым записям, демонстрировал уверенность в невозможности победы немцев, то Веру Николаевну в страшные месяцы непрерывных поражений и отступления советских войск явно захлестнуло чувство безнадежного отчаяния, о чем свидетельствует ее запись в дневнике от 9.X.41: «Нет, немцы, кажется, победят. А может, это и неплохо будет?» Но **8.XI.1941** — разгар битвы под Москвой (30.09.1941 — 20.03.1942), Бунин уже делает первую ободряющую запись «В России 35 гр. Мороза (по Цельсию). Рус. атакуют и здорово бьют» <см. Устами Буниных. Т. 3. С. 99>. Затем идут записи об освобожденных городах, среди них — родной Ефремов «где был дом брата Евгения³⁴, где похоронен и он, и <его жена> Настя, и наша мать!»

5 февраля 1942 года <предположительная датировка>

Милая и дорогая Марья Самойловна, давно не писала Вам и давно не имела от Вас никаких вестей. Но недавно была у Ангелиночки. Она цветет, бодра и деятельна. Ваш внучек очаровательный по-прежнему, но только стал еще резвее и занятнее. Вид здоровый, головка в золотых колечках, не причесан по-европейски, а потому утерял сходство с русским царевичем. Я присутствовала за их завтраками, сначала мальчика, а затем взрослых. Было в тот день мясо и бобы, потом вишни, чай. Мне все время было жаль, что вы не видите мальчика, много радостей доставил бы он Вам. У него большой темперамент, думаю, что Ваш.

Я от них потом пошла к доктору. Вы, вероятно, знаете о моих болезнях: небольшие язвочки в канале между желудком и кишками, опущение желудка, довольно значительное, артрит правой руки и, конечно, очень сильное малокровие; последнее, думаю, самое серьезное. С ним приходится очень бороться. Вес мой — 51.200 <кг>. Самочувствие, скорее, хорошее. Болезнь приняла без ропота и душевно от этого не страдаю. Жить продолжаю по-прежнему, то есть в положенные дни стряпаю, хожу за покупками, стою в хвостах, только очень тяжелых кулей больше не таскаю. Лечение: уколы против язвы, хемспилор против малокровия, каолиназ, чтобы не раздражать язву, пояс, чтобы поддерживать желудок, затем молочное питание (четверть литра в день (а теперь через день молоко киснет, а мне ничего кислого есть нельзя), диета, лишение мяса,

несмотря на необходимость есть его. Питаюсь макаронами, квакером и некоторыми овощами, кофе и сухарями. Но, слава Богу, держусь. Все домашние очень заботятся обо мне, особенно И<ван> А<лексеевич>, проявляет даже самопожертвование.

У нас большая перемена: дамы переехали в Канны. Сняли квартирку и живут в свое удовольствие. Время теперь вообще сказочное. Из тысячи и одной ночи сказка и с ними. Одна добрая и щедрая душа дает им возможность совершенно безбедно существовать. М<аргарита> Авг<устовна> имеет тысячу двести в месяц, и столько же, а может быть, и больше, она получает от этой дамы, которая восхитилась и голосом ее и ею самой; кроме того, она мистична, по ее словам, мать Марги поручила ей с того света свою дочь. У них две комнаты. Пианино. Бывают гости. Словом, все устроилось, как нельзя лучше. Домик их стоит в саду. Это собственная квартира шофера: под ними гараж, без автомобиля, конечно.

Итак, я опять осталась только с мужчинами. И как это хорошо! Роли распределены так: мы с Алей <Бахрах> по очереди стряпаем, а Леня работает на огороде.

<...>

Сегодня купила, например, одного хемопилера на сто шестьдесят франков! Вообще, моя болезнь стоила и стоит очень много. Ведь пришлось делать радиоскопию и много анализов, так как не сразу был поставлен диагноз. Получаю иногда посылки от Николая Саввича <Долгополова>, что меня очень поддерживает.

Живем мы очень тихо и уединенно. И<ван> А<лексеевич> скучает, а я нет. Если бы я была здорова, то для себя лично я ничего бы не хотела. Правда, с самого начала обнаруживания моей болезни он перестал писать, да и вообще зимой было так холодно, что трудно бывало держать перо в руках. Он похудел, потерял больше десяти кило. По-прежнему болеет, время от времени, своей болезнью. Но держится, слава Богу, хорошо.

Леня работает над своей книгой. Разбил огород. Очень исхудал, потерял 23 кило за свое пребывание здесь. Вид его хуже, чем был до санатория в Париже. Бодр. Но я все же боюсь за него. Не дай Бог ему простудиться. У него до сих пор в обоих легких инфильтрат, и здешний диспансер его считает туберкулезным, и кой-какие преимущества он от этого в смысле питания имеет. Меня очень интересует, почему он ни разу ни от кого ничего не получил. Ведь у Шурочки <в США. — М.У.> есть и его друзья, и люди, которые к нему хорошо относились. И вот за два года ни одного привета! Думаю, что его это очень огорчило, говоря мягко. За это время напечатана в Швеции его статья. Он послал один оттиск Павлу Николаевичу <Милюкову>, который написал ему очень подбадривающее письмо. <...> За статью получил 500 франков.

Аля <Бахрах> все у нас. Одно время он переводил новые рассказы. И<вана> А<лексеевича> на французский язык. Он часто бывает в Ницце, где у него есть друзья. Когда он здесь, то, как я писала, делит мои работы по стряпне, носит овощи с базара, пилит дрова.

Мы все живем тихо, не мешая друг другу, но и не ссорясь. В главном все согласны, что очень приятно.

На днях приезжала к нам Наталья Игнатьевна <Михельсон>, пробыла у нас сутки. Очень было приятно. Она отдыхает в Ницце, пригласили ее Даниил Львович и Анна Степановна <Гликберги>. Шура <по-видимому, Алексей Жиров> живет под Ниццей. Он было устроился где-то около Ляли <Е.Н. Жировой>, но его «ушли». Он, бедный, томится без дела. В Ницце видела Любовь Германовну <Добрую>, чувствует себя плохо, кажется, думает о Шурочке <т.е. переезде в США. — М.У.>.

Вести из нашего маленького городка³⁵ не очень радуют: Надежда Александровна <Тэффи> больна, — грудная жаба. Боря и Вера <Зайцевы>. Процветает Нина <Берберова> с мужем <Н.В. Макеев>. Не радуется их душевное состояние. Ясно мы, конечно, представить <его себе. — М.У.> не можем. Но сегодня есть от Нины письмо с неприятным привкусом.

Видела от Илюши <Фондаминского> письмо к хозяйке той виллы, где жила Курочка³⁶. Письмо бодрое, но грустное, главное, ему тяжело видеть страдания других. Между прочим, он пишет, что «теперь может быть настоящим крестным отцом ее сына»³⁷. <Следующее предложение не читаемо. — М.У.>

<...>

Зима была очень холодная здесь, и мы изрядно мерзли. Дров достать почти невозможно, уголь выдают по капельке, газа у нас нет, солнце показывалось далеко не каждый день.

Из новых приятных знакомых: Либерманы³⁸. Очаровательные люди, а он такой редкий талантливый человек, что я не встречала. Всегда ему хочется своей музыкой доставить удовольствие. Редкая простота при таланте. Но сейчас его жена только что перенесла серьезную женскую операцию, вероятно, дорого им это обойдется. Жаль, что здесь он не может применить себя. Вот кому следовало бы отдохнуть у Шуручки³⁹. Мы с ними встречали Новый год по старому стилю. Было очень приятно и вкусно, кое-что у нас оказалось, а кое-что они привезли, с ними была одна наша общая знакомая из Швейцарии, и она могла достать вкусных вещей, от которых у меня утром был припадок, но я тогда еще ничего не подозревала об язве.

Обнимаю Вас, милая моя, обнимаю и Михаила Осиповича, слышала, что он здоров. Надеюсь, что он работает над своей «кучкой» <имеется в виду книга М.О. Цетлина «Пятеро и другие» (Нью-Йорк, 1944) о композиторах «Могучей кучки». — М.У.>. И<ван> А<лексеевич> уехал сегодня в Канны. Он, конечно, послал бы Вам поцелуи и низкие поклоны. Леня шлет привет, как и Аля. Кланяйтесь всем друзьям и знакомым. Мы часто Вас всех вспоминаем.

Еще раз за все благодарю. Ваша Вера Бунина.

О встрече «русского» Нового года с Либерманами В.Н. Бунина так же 22 января 1942 года писала Т.Д. Логиновой-Муравьевой: «Мы очень мило встретили Новый год по старому стилю. У нас были наши каннские новые друзья, Анна Никитишна Ганшина и супруги Либерман. Он пианист. Было мясо (на счастье), водка, посильная закуска, каннцы привезли пирог, бульон, торт, пряник, я достала *gâteau du roi* (фр. — рождественский сладкий пирог), печенья. Словом, поужинали так, как давно не ели, затем в салоне перед камином сначала просто сидели, а затем пили чай с вкусными вещами, а в промежутке Леня сварил глинтвейн. Часть ушла спать в полночь, и мы — m-me Ганшина, Либерман, Леня и я — просидели до двух часов, ведя очень интересные разговоры, и чего-чего мы не касались. Много говорили о музыке, литературе. Либерман умный и тонкий человек. Спать гости легли по-вагонному, сняв только верхнее платье. Настроение весь вечер было у всех хорошее, дружеское. Я, кажется, после родного дома никогда приятнее не встречала Нового года. И, не сглазить, с этих пор и дома хорошая атмосфера»⁴⁰.

И.А. Бунин также отметил это событие записью в дневнике от 18.1. Воскр.: «Вечером во вторник встречали новый год русский. Вечером как следует шел снег. Вечером приехали Либерманы и Ганшины. Либерман два раза сделал чудо — уходил за две комнаты, просил нас, сидевших в салоне, задумать, что он должен сделать: первый раз угадал, что нужно меня тронуть за ухо, второй — что сесть на диван» <см. Устами Буниных. Т. 3. С. 126>.

Два с половиной года Бунина и Цетлина, судя по отсутствию их корреспонденции за это время в архиве библиотеки Иллинойского университета, по-видимому, не переписывались. Последнее письмо В.Н. Буниной к М.С. датировано концом 1944 года и написано через неполных полтора месяца после освобождения Грасса американцами (24.08.1944 г.), причем почему-то по-английски.

6 октября 1944 года

*Мои дорогие друзья. Я рада писать Вам после трех лет молчания. Грасс <немцы. — М.У.> не обороняли. День нашего освобождения явился для нас большим праздником. Мы <с Яном> в порядке, только мы очень худые, Бахрах и Зуров несколько полнее нас. Существует недостаток продуктов питания, но мы привыкли терпеть. Здесь много что случилось: Любовь Сергеевна⁴¹, отец Павла⁴², **Мариша** — они в безопасности, Надежда Григорьевна <Михельсон> со своей матерью и дочерью в безопасности, а вот <...>, Конигиссер <Яков Исаакович> и многие другие лица были арестованы <немцами. — М.У.> и содержатся неизвестно где. Вера Рафаиловна <Мартынова> и ее сестра в безопасности — они в Ницце. Ангелина перебралась в Гренобль два года назад. Любовь Александровны <Полонская> с мужем, а также Лоло <Муניתейны> были освобождены здесь еще раньше нас. Любовь Германовна <Добрая> с братом и матерью от плохой жизни перебрались в Монако, где тоже ведут утомительный бой с «царем-голодом». Мне сказали, что еще несколько месяцев назад Илюша <Фондаминский> был жив, но он находится не во Франции⁴³. <...> Оба Лоло очень плохи: она почти неподвижна — водянка, он практически слеп, они совсем без денег, его племянник <Эрнст> Гольденвейзер был арестован и отправлен с транспортом <07.12.1943 г.> в...? <Освенцим, где и погиб> Браславский <Александр Яковлевич> находится в африканской армии. Сейчас я еще не имею писем из Парижа! Мы не знаем, когда сумеем туда попасть и как надолго еще останемся в Грассе. Иван Алексеевич и я обнимаем Вас обоих. Бахрах и Зуров шлют дружеский привет. Наилучшие пожелания всем нашим друзьям. С любовью, Ваша Вера Бунина.*

Приписка:

Обнимаю Вас. Наша жизнь была трудна. Иван Бунин.

Это письмо Веры Николаевны — последнее из «грасского цикла» ее переписки с Цетлиной. В начале мая 1945 года Бунины покинули виллу «Жанетт» и навсегда уехали из Грасса, в котором пусть с перерывами, но все же прожили добрых двадцать лет. Они вошли в свою парижскую квартиру на улице Жака Оффенбаха, 1, где в это время уже жили Ляля Жирова с Олечкой, в самых первых числах мая 1945 года.

В УИА хранится 33 письма периода 1945–1947 годов. Н. Винокур было опубликовано 17 писем, из них собственно В.Н. Буниной принадлежит восемь. Остальные 16 писем являются предметом настоящей публикации. Первое письмо Веры Николаевны к Марии Самойловне датировано **25 июля 1945 года**: «Вы и представления не имеете, как я похудела. Но, вероятно, к зиме пополнею, что мне не очень нравится. Легче и приятнее быть худой. Но ничего не поделаешь: нужно питаться, так как кроме приятной худобы я получила еще неприятность с зубами — за зиму, так как осенью грасский дантист ничего не нашел, чтобы пломбировать, а у меня пришлось запломбировать в этом месяце одиннадцать зубов! И весь мой заработок за июль ушел на временные пломбы — 1100 франков. Было и жаль, но было и приятно, что я не должна была обращаться к Ивану Алексеевичу. <...> Надеюсь, что мой ученик не откажется от моих уроков, и я опять справлюсь своими средствами⁴⁴. <...> Время тяжелое. Душа с трудом принимает все, что приходится слышать и о прошлом, и о настоящем. Порадовались только вчера: Наташа <дочь Зайцевых. — М.У.> родила сына. <...> Завтра Зайцевы и отец Киприан <К.Э. Керн, архимандрит Вселенского патриарха> у нас завтракают, тогда узнаем все подробности. Очень нас огорчает нездоровье Михаила Осиповича. Передайте ему, что его «Кучка» мне очень нравится, но я читала только отрывки. Очень мы соскучились и по Вас, и по нем. Как-то странно в Париже без Вас... Ангелину не видала. Впрочем, мы мало с кем общаемся. Уж очень трудна жизнь. <...> Живем без всякой фам де менаж <фр. femme de ménage — приходящей домработницы>, приходится даже стирать, иной раз и простыни, так как можно отдавать только те прачке, которые крепкие, а их у нас мало. <...>

Знаете ли вы, какая стряслась с Лялей беда. Ворвались фи-фи⁴⁵, забрали хозяев, а с ними и ее. И ей пришлось пройти весь крестный путь вплоть до плевков и побоев, хорошо еще, что не тронули вполне⁴⁶. Ее хозяев по требованию англичан выпустили через десять дней, а ей, ни в чем не повинной, пришлось просидеть сто десять дней, так как ко всему затеряли ее досье. Все, кто мог, из моих друзей помогали, особенно Зернова, в конце концов, освободили. Но на нее это все очень сильно подействовало. Там она себя держала с царственным спокойствием. Все удивлялись. Но, по мнению врачей, это тяжело отразилось на ней, как и шоки. Кроме того, по выходе ей пришлось жить в нашей квартире, когда она еще была занята нашими «оккупантами»⁴⁷, которые оказались очень неприятными людьми. У нее начались головокружения, онемение пальцев, оказалось не в порядке сердце, да и с психической стороны не совсем все было нормально. Один раз она упала так, что треснули ребра. По нашему возвращению ей стало легче. Она успокоилась. Теперь стала упражняться на пишущей машинке — русских машинисток не хватает, <потому. — М.У.> надеюсь, <что> на пишущей машинке она будет зарабатывать хорошо. <...> Олечка жила в пансионе сестер Головиных, откуда ходила в русскую гимназию, <а> по средам и субботам приходила к нам, проводила свободные дни у нас. Она стала очень хорошенькой девочкой. Хорошо учится: перешла с наградой и без экзаменов в следующий класс, хотя когда поступила, была очень отставшей. Она очень тяжело переносила заключение матери, хотя от нее скрывали, но она догадывалась. Писала мне письма, которые нельзя было читать без слез. Сейчас она в лагере, в Тури. Там ее назначили «капитаном», чем она гордится. Родители были у нее на именинах. Остались, более или менее, довольны. Питание среднее, но можно кое-что присылать. Ей Николай Саввич <Долгополов> дал пару ботинок, два чудесных платица, одно летнее, которое ей необыкновенно идет. Но в лагерь мать его не дала. Дал банку молока и сырок. Ей вообще эти годы иногда помогал Красный Крест — Эльза Эдуардовна Маалер устраивала ей кое-что. Они ведь все четыре года жили в очень тяжелых условиях. И потому всем особенно было жалко Лялю. Чего-чего она там не навиделась. Я тоже очень мучилась и волновалась, помогала. Чем могла, писала всем — и кому можно, и кому нельзя. Одно время я боялась за ее психическое состояние.

Сейчас приходил <Павел Александрович> Михайлов за Яном. Поехали завтракать к какому-то не то американцу, не то англичанину, у которого повар русский — будут блины и жареный кролик. Немного глупо <есть> блины летом, но охота пуце неволи.

Третьего дня были у Бененсон⁴⁸. Они очень много перенесли. Он был в лагере. Затем они скрывались. Одно время жили у какой-то портнихи, и только в 6 часов утра можно было ходить в ватерклозет, который был на лестнице. Затем в их дом пришла полиция, которая жила в нем 19 дней, но к ним наверх не поднялась. Но все же Бененсоны говорят, что они жаловаться не могут. Такие ужасы стекаются со всех сторон. Кажется, все стерилизованы, кто даже вернулся обратно <из концлагерей. — М.У.>. У женщин вырывали без всякого наркоза матки и яичники... Времена ужасные. Как будто Христос и не приходил в Мир! Но до утонченных садистических пыток еще нигде никогда не доходили в таких размерах. Я не политик, а потому мало что понимаю. Чувствую одно, что без Добра и Веры мир не спасется. Страшно очень за детей, молодежь. Вы знаете, что самыми жестокими немцами были подростки! Всего не напишешь. Мы с Вами в разлуке почти пять лет. За эти годы я узнала французский народ так, как не узнала его за двадцать лет. И многое поняла до конца. Трудно обо всем писать — нужно время. А мне всегда надо куда-то спешить. И всегда много не переделанных дел. Вот и сейчас нужно бежать что-нибудь купить на завтра. А я уже сегодня раз выходила и принесла молоко, мясо для Леонида Федоровича <Зурова> — ему, как больному, выдается больше, чем нам, и он четыре раза в неделю ест по 90 гр., а мы только раз. Здесь его здоровье стало лучше. Он много работает. Пока я достаю здесь те лекарства, что мне нужны. Больше всего нужны чулки, летом мы ходим на босу ногу. Цены здесь на них очень

высокие, и достать их трудно. Трудно и с мылом, особенно для стирки. <...> На что живет Тэффи — не знаю. Большой посылке и башкамакам она чрезвычайно обрадовалась. Вид у нее «молодой». Но, кажется, аорта в дурном состоянии».

На почтовой карте

15 сентября 1945 года

Дорогая Марья Самойловна, пришлите, пожалуйста, столько книг⁴⁹, сколько всегда присылали. Я думаю, заранее спрашивать не стоит. Лучше сказать цену, принеся книгу. Труднее будет отказаться. Если кто и откажется, то всегда можно передать кому-нибудь. Иной раз спрашивают. Итак жду 15 книг (пятнадцать) новых. А там, что Бог даст.

На днях была у Ангелиночки. Взяла еще пять книг о пятерых⁵⁰. У меня <от первых. — М.У.> 15 к<ниг> остался только 1 экземпляр, от <последующих. — М.У.> 10 — 2 экз<емпляра>, 11 — 1 экз<емпляра>, 12 — 9, 13 — 4 экз<емпляра>, 14 — семь. Недавно продала от 10 — 15. Но все же книги покупают не все, кто мог бы.

Целую. Ваша В.Б.

Следующее письмо датировано **1 ноября — 19 октября 1945 года**, содержит помимо сообщения о текущих бытовых проблемах, связанных в первую очередь с неустроенностью жизни в совсем еще недавно освобожденном Париже, также и любопытные с культурологической точки зрения подробности: «есть у меня занятие для души. С моей кузиной, Наташей Барановой⁵¹, мы разбираем письма Шестова, ее отца. Очень много интересных и значительных мест находим в них. Готовим материалы для его биографии. <...> А вчера был «вечер Адамовича, он читал о четырех поэтах: Маяковском, Есенине, Ахматовой и Ос. Мандельштаме. К сожалению, о последнем он сказал мало: в одиннадцать часов раскрылась за ним дверь и рослый дядя громко заявил, что пора кончать <...> Это первый вечер как бы из прошлой, забытой жизни. <...> публика прежняя, наша, только два три лица из нового мира, но как все изменились! Постарели, посырели, настоящих молодых лиц не было. Один, приехавший из России, спрашивал: «А где же ваша молодежь?». Так она интересуется литературой?! Но мы, вернее, многие те, что провели лихие годы на юге, испытали новые чувства — трудно передаваемую радость свидания: спаслись! Уцелели! И грусть непередаваемую. Что многих из тех, кто всегда бывал на подобных «Встречах»⁵², уже нет с нами... Зал был полон, но сбор небольшой, в несколько тысяч всего франков (4.500 фр.) — билеты стоили сто и пятьдесят франков. Но большинство было истинно «приглашенными»... Теперь на очереди у меня вечер <Зайцева>, вернее, «матинэ» <фр. — литературный утренник, концерт> — 25 ноября он будет читать в зале Токио о Лескове и прочтет что-то из этого писателя».

Переписка 1945 года, в целом выдержанная в бодрых тонах, заканчивается на скорбной ноте — соболезнующем письме по поводу преждевременной кончины М.О. Цетлина от **6 декабря**: «С самого вечера, когда звонок по телефону сообщил мне о кончине дорогого Михаила Осиповича, я ни о чем другом не могу думать, как о нем и о Вас. <...> Вы знаете, что я очень люблю его и очень ценила его беседы со мной, и я очень горюю, что еще одна мечта о встрече здесь рухнула. Знаю Ваш сильный Дух, а потому уверена, что Вы стойко переносите свое горе. <...> Пережила за эти недели наши встречи и в Москве, и в Одессе, и нашу дружбу в Париже. Много хорошего и приятного было за эти годы в наших отношениях. Всегда с благодарностью вспоминаю и Вас обоих. Передайте Вале <В.М. Цетлин> и Шурочке <А.Н. Прегель> наше сочувствие. Иван Алексеевич болен, сильнейший кашель и сердце, и очень занят. Продал «Темные аллеи» <парижскому издателю Оресту Григорьевичу> Зелюку. Он Вас обнимает, как поправится, так напишет. Целую Вас со всей нежностью. Ваша В.Б. Посылку с туфлями и чулками (две пары) получила. Очень благодарю. Скоро напишу еще».

В дневнике Буниной имеется более ранняя, от 25.XI.1945, запись по поводу этого печального события: «Скончался Михаил Осипович Цетлин, рак крови. Редкий был человек — деликатный, умный, тонкий и образованный» (см. Устами Буниных. Т. 3. С. 180).

В развернутом письме от **8 февраля 1946 года** (с припиской от **18 февраля**) Бунина рисует четкую картину повседневного существования уцелевших остатков русской эмиграции в послевоенном Париже. В начале своего письма она извещает Цетлину, что «от воспаления легких Ян поправился и уже расплатился с доктором. <...> *Не знаю вообще, как Вас, дорогая, благодарить за все, что Вы делаете. Я лично без Вас бы пропала. Ведь у меня никогда не было ничего теплого из нижнего белья. Теперь хожу во всем мужском, кроме чулок. И если бы не это, то, вероятно, ишиас, который все мне угрожает, разыгрался бы. У нас ведь топится только комната, где живет Ян, то есть столовая. А в остальных бывало очень прохладно, хотя я к холоду отношусь очень стойко, да и зима была “сиротская”. В Грассе я больше мерзла, чем здесь... Болезнь была серьезная и тяжелая. Я больше двадцати дней не раздевалась, спала около Яна на той же постели. Приходилось иногда раз пять в ночь подыматься. Теперь уже сплю у себя, и ночью он меня не тревожит. Но полного выздоровления еще нет. Он все время чувствует “какое-то подташнивание”. <...> Вчера узнала о смерти Веры Николаевны Ильнарской, жены Лоло. Кончилась ее страдальческая жизнь».*

Из-за болезни Яна я ничего не написала ей к Новому году, не побывала у своей тетушки⁵³, а она тоже скончалась в тот же день. Умерла она так, что Московскому землячеству пришлось взять на себя расходы по ее погребению. После нее остался портрет <В.Д.> Поленова, написанный, когда она была молодая и когда он был в нее влюблен⁵⁴. Говорят, что стоит он очень дорого. Его теперь продают, чтобы расплатиться за похороны. Вероятно, продадут в Россию, это было и желание покойной. Портрет очень хороший. Поленов вообще никогда не писал портретов, как сказала мне его дочь⁵⁵, которая живет в Париже и работает как портниха, а тетя Маня моя «была любовь его всей жизни»... Я получила в «наследство» акварельный портрет своей не то прабабки, не то прапрабабки. Единственная вещь, сохранившаяся из наших родовых вещей, но это по линии Костомаровых или Барщевых, а не Муромцевых.

«Работаю я и в “Быстрой помощи”⁵⁶, которая очень многим помогает. Несмотря на полную невозможность полностью отдалиться этому делу, я все же как-то умудрилась собрать им в два месяца три с половиной тысячи франков и продать уже несколько билетов в синема в пользу этого общества. Нищета здесь ужасная».

Трудно очень многим священникам, конечно, не на рю Дарю⁵⁷, а в дальних приходах. Я стараюсь как можно больше завербовать членов. Опыт «Амора» очень помогает.

«Жизнь наша здесь совершенно иная, чем была при Вас. Никаких почти сборищ. Даже у соседей не бываем. <...> Видишься лишь с теми, кто заходит. Нужно признаться, что на гостей собственно сил нет. Очень уж все измотаны. Только на днях повилаась с Т.С. Конюс. Она много рассказывала мне об Америке. Общее впечатление у нее, что тамошние не представляют ни нашей жизни, ни того, что мы все пережили за это лихолетье».

Зуров последнее время очень намучился с квартирой, его чуть не выселили, вернее, хотели выселить, да не удалось. Ему обещана комната в доме, где живет Р.Б. Маршак, но те, кто теперь ее занимают, все никак не дождутся освобождения квартиры, хотя по суду уже получили ее. Вообще квартирный кризис здесь очень тяжелый.

*«18/11. Десять дней не могла докончить и отослать Вам мое послание. Была работа по переписке. Зарабатываю на *fette de ménage*. Удалось найти одну приходиться раза два или три в неделю вечером — от 10 ч. до полуночи. Плата 30 франков в час. Это меня освобождает от постирушки, мытья пола в кухне и подметания полов. Последнее чаще приходится на долю Ляли <Жировой>. Пришлось уделять время и на «Быструю*

помощь». Кой-кого навестить, кой у кого позавтракать. Раз ела утку и продала тринадцать билетов по сто франков. Фильму дали старую “24 часа на русском фронте”. Было 2 сеанса в 5 ч. дня и 9 вечера. Надеемся на 15.000 фр.»

Публика у нас приятная — Штерн <С.Ф.>, Кровопусков <К.Р.>, Недошивина <Н.А.>, Дельбары <М.Л.>, Либер <С.И.>, Каминская <Л.А.> <...> молодых нет, видимо, <смены> не будет.

9 октября 1946 года

Милая и дорогая Марья Самойловна,

очень перед вами виновата, что сразу не известила Вас о получении посылки с гречневой крупой, рисом и банкой сухого молока. Пришла она 1 октября, и я каждый день с утра хотела засесть за письмо, но все не удавалось: то усталость после именин мешала, то всякие хозяйственные дела. То хлопоты по устройству вечера И<вана> А<лексеевича>.

Шесть книг XV номера журнала <«Новый журнал»>. — М.У.> тоже получила. Немного разочаровалась, думала, что это шестнадцатая книжка, которую ждут. Как всегда новая книжка хоть немного тацит прежние. Надеюсь, что скоро получу новоиспеченные.

<...>

30 сентября⁵⁸, как это уже завелось, у нас было много гостей. Не доставало Вас, но все же Софья Юльевна <Прегель> была представлена от Америки, а Павловские от Азии. Народу было немного меньше: 27 человек, а в прошлом году 39. Угощение тоже слабое: во-первых, цены стали совершенно сумасшедшие, а во-вторых, Ляля <Жирова> начала служить в ресторане и была лишена возможности блеснуть своими кулебяками и пирогами, пекла ее мать, но одна она могла спечь 60 пирожков, пирог с капустой, пирог с мясом и пирог с грибами и рисом. Сделали мы с одной приятельницей два больших рулета из мяса и еще к ним несколько салатиков с винегретом. Сладкие торты и пироги приносились, как и виноград. Сидели все в комнате Яна. Мы раздвинули стол на три доски и приставили еще два стола. А один маленький поставили к стене, так что все уместились. Правда, один край стола вышел в коридор наш, а чайники стояли на наших чемоданах. Мне пришлось в этот день четыре раза выйти из дома и возвращаться сильно нагруженной. Днем пили чай в моей комнате. Было человек восемь, а потому могла быть общая беседа и спокойное наслаждение от вкусных тортов и пирогов. Я такая была уставшая, что мало что понимала, накануне возилась в кухне до 4 ч<асов> ночи.

Олечки не было, она с отцом после океана уехала на <его> ферму, а затем в шато, к знакомым. Ждем со дня на день.

Теперь все заботы о вечере. Нужно сознаться, что мне помогают все близкие друзья по продаже билетов, а цены высокие. Первые два ряда считаются «почетными», и решено было их продавать от тысячи франков. И представьте, дорогие билеты идут пропорционально лучше дешевых. Если вечер пройдет удачно во всех отношениях, то мы будем в состоянии уехать на юг. Пока относительно дома <курортный «Русский дом» в Жуан-ле-Пэн, деп. Приморские Альпы> вопрос остается открытым. Оттуда уходит <доктор> Беляев, а без <Бориса Никандровича> Беляева мне страшно везти туда Яна. Присутствие врача вообще на него хорошо всегда действует, а такого, как Борис Никандрович, особенно. Он переезжает в Ментону. Это нас очень огорчает, и мы еще не знаем, на чем остановимся.

Ян здоров, но после летних жаров у него ослабело сердце, стали лечить его всякими лекарствами, которые опять вызвали кровь. Уже два раза опять он с Аитовым ездили на уколы <...> Не всякий день, но часто по вечерам он начинает задыхаться. Против этого есть средство — какой-то пульверизатор в рот, и становится легче. Вид же <внешний>.

— М.У. > не плохой. Но больше раза в день никогда не выходит. По-прежнему бывает блестящ и остроумен, но иногда впадает в пессимизм.

Мой костюм вышел очень хорошо. И погода как раз для него, так что щеголяю. О шляпе не беспокойтесь. Мне дал свою Ян, синюю бархатную, и она подошла, а из двух старых черных я себе делаю для зимы. Мне Татьяна Сергеевна <Конюс> подарила свое совсем новое пальто, и к нему необходима новая шляпа, вот я и изворачиваюсь. Теперь на очереди теплый халат, материя уже куплена. Вообще я теперь одета более или менее. Нужен еще только теплый свитер, если будут деньги, то куплю. Не очень хорошо у меня с глазами. Но об этом в следующий раз.

Сейчас у меня гостит Вера Рафаиловна <Мартынова>, все такая же милая и Наташа Любченко. Пьют чай, а я спешу закончить письмо.

Очень Вас за все благодарю и очень скучаю. Что Вы не приехали в этом <году>. Ваша Вера Бунина.

На почтовой открытке

6 декабря 1946 года

Дорогая, милая Марья Самойловна, спасибо за весточку. Посылаю Вам конспект своего длинного письма кот<орое> посылаю на днях.

1. О посланных книгах Екат<ерине> Дмитр<иевне> <Кусковой>. 10 экземплярах. 2. О Лялином представительстве после Вашего отъезда. 7 новых. Восьмой на примете. 3. О Зайцевых (В<ера> А<лексеевна>, слава Богу, выходит <на улицу>) и других друзьях. 4. О «Пришествии Марка» <имеется в виду приезд Алданова>. Имеем открытку. 5. О выходе «Темных аллея»⁵⁹. 6. О поездке И<вана> А<лексеевича> на юг. 7. О банкете в честь И<вана> А<лексеевича> в связи с появлением на рынке его новой книги. 8. О сторожевой работе <Владимира> Варшавского и Зурова⁶⁰. 9. О нашей ночлежке. 10. О себе. Целую, обнимаю, моя дорогая.

Ваша В.Б.

11 декабря 1946 года

Милая и дорогая моя,

как будто меня сейчас никто не оторвет от письма, и мне удастся написать его и послать Вам. Вашу милую открытку получила, целую Вас за нее. В ответ послала Вам конспект этого письма, но, вероятно, оно придет раньше открытки.

Прежде всего о делах. После Вашего отъезда Ляля <Жирова> поместила <т.е. продала. — М.У. > 22 книжки «Нового журнала» 10 лицам, из которых 7 новых. У нее накопилась сумма в 3608 франков журнальных денег. Сегодня Ян отправился обедать к Полонским, и я просила его спросить, хочет ли он, чтобы эти деньги ему <Полонскому. — М.У. > были переданы. Он сказал, что ему все равно.

Получила письмо от Е.Д. Кусковой с просьбой прислать ей 4 эк<земпляра> X-той книжки, а остальные по три. Для этого сходила с Олечкой <Жировой> к Вам на квартиру и взяла 20 экземпляров 10-х, а остальные по пяти. За отсылку книг в Швейцарию взяли на почте 242 франка. Можно было на 9 франков сделать дешевле, но Полонский сказал, что посылать надо по три книжки, а их было десять, вот и пришлось сделать четыре пакета. Но на почте я узнала, что дело не в книгах, а в весе: можно посылать только до двух кило. Думаю, что все уместилось бы в трех пакетах <...> Мне кажется, что лучше все же посылать в Швейцарию из Америки прямо, а то ведь двойные расходы. Хотя, если Е.Д. <Кусковой> опять потребуются, я пошлю, так как думаю, что нужно ковать железо, пока оно горячо. А затем будем ждать Ваших распоряжений. Деньги на почту и за работу взяла из денег журнальных, так что продано на 3910.

Не беспокойтесь обо мне. У меня в комнате до сих пор терпимо. И сейчас я пишу в нетопленной комнате — и ничего, немного холодно ногам.

Зайцевы теперь здоровы. А одно время Верочка болела что-то сердцем. Мы с ней как-то были у Веры Рафаиловны <Мартиновой>, у которой очаровательная квартира. Она стала подписчицей «Нового журнала», пока взяла два номера, но постепенно возьмет все. Тэффи уже давно не видела. Нет совершенно времени. Боюсь, что она на меня обиделась, и по праву. Но ничего не могу успеть. Алданов вернулся из Германии. Уехал в Лондон, с нами не повидавшись... Его не пустили дальше Баден-Бадена.

Отъезд на юг Яна остается до сих пор открытым. Пока он здоров и в хорошем сравнительно духе. Беляев написал, что комната его ждет. Но, конечно, там не все удобства, например, проточной воды нет, умываться надо с тазами, поднимать кувшины тяжелые и так далее. Как будто пустыки, а для задыхающегося человека трудно.

Был слух, что будет банкет в честь И<вана> А<лексеевича> по поводу выхода в свет «Темных аллей». Устраивает Маковский, которого выбрали председателем «Объединения писателей и поэтов». Боннер — завтрак в <...> консерватории назначен на 29 декабря.

Очень жаль мне Зурова и Варшавского. Работа трудная, инертная. Вчера заметили, что кусок на крыше подпилен, значит, готовятся... По соседству, у англичан, уже было одно нападение, обокрали гараж. А солдаты крепко спали... Леня говорит, что Варшавский (он уже работает там полгода) стал оупелым. Сам он первые недели по ночам работал, а теперь чувствует, что это не по силам. И<ван> А<лексеевич> все время уговаривает его бросить это место. Встретила на днях доктора Серова <Сергея Сергеевича>, который знает состояние здоровья Зурова, и сказала об этой службе, он всплеснул руками. Обещал зайти и поговорить с ним. Главное плохо, что днем у нас ему нет возможности хорошо выспаться. Комната рядом со звонком и другим учреждением... меня очень пугает судьба <Константина Васильевича> Мочульского...

У нас, несмотря на тесноту, все же бывают гости. Вчера обедал приехавший из Италии «мой друг детства». Много интересного рассказывал и об Италии — там почти все есть, даже битые сливки. Коммунизм в моде. О фашизме почти забыли. Сын Амфитеатрова⁶¹ дает концерты, вдова жива.

Сижу в новых очках. Вдаль смотреть изумительно хорошо, а вблизи еще не прилажусь. Устанут глаза <...>.

Приписка на полях письма:

Приехал Rogovskiy, завтра будет у нас. <...> Клягин <...> дал Вам двух подписчиков. Одного на все. Другой взял две книги.

Варшавский уже отказался от места. Зуров упорствует, на ногах перенес грипп, остался бронхит. Очень холодно в гараже. У нас стоят морозы. За месяц службы он получил 8.300 фр<анков>. Литературную работу почти не может продолжать. Надеюсь, что он последует примеру Варшавского, но не будет ли это поздно?

Неделю не удосуужусь отправить письмо это. За эти дни получила послание от Кусковой. С нее взяли пошлину 4 фр<анка> 20 цен<тов>.

Обнимаю, целую всех нежно. Привет друзьям.

Ваша В.Б.

1 Автор выражает благодарность UIA, Urbana, за предоставление документов и разрешение на их публикацию и лично его сотруднику Каре Бертрам (C.S. Bertram) за доброжелательность и помощь в организационных вопросах.

2 «Шурочка» — Александра Николаевна Прегель (урожд. Авксентьева, в первом браке Болотова; 1907–1984), художник, график-иллюстратор, меценат, старшая дочь М.С. Цетлиной от ее брака с известным деятелем партии эсеров Н.Д.

Авксентьевым. В 1937 г. перешла в иудаизм и вышла замуж за Бориса Юльевича Прегеля (1893–1976), ученого-физика, крупного предпринимателя, общественного деятеля и благотворителя. С 1919 года жила в Париже. 9 июня 1940 года — буквально за несколько часов до того, как немцы вошли в Париж, супруги Прегель бежали на юг Франции, откуда незамедлительно перебрались в США.

3 Бунина (урожд. Муромцева) Вера Николаевна (1881–1961), переводчица, мемуаристка, автор литературных статей и книг, жена И.А. Бунина.

4 Винокур Надежда. Новое о Буниных // *Минувшее. Исторический альманах* (Paris). 1988. № 8. С. 282–328: URL: <http://7iskusstv.com/2015/Nomer1/NVinokur1.php>, в кн.: *Сквозь волны времени. Releih: Lulu Enterprises, 2011. С. 53–109.*

5 Бахрах А. Бунин в халате. По памяти по записям. Н.-Й.: Товарищество зарубежных писателей, 1979. С. 5.

6 Письма Буниных к художнице Т. Логиновой-Муравьевой. Paris: УМКА-Press, 1982: URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1860-1.shtml. Логинова-Муравьева (урожд. Хохбаум) Татьяна Дмитриевна (1904–1993), живописец, график, литератор.

7 Жаль, что так рано кончились наши бабьи вечера. (Из переписки В.Н. Буниной и Т.М. Ландау) / Публикация Ек. Рогачевской. В кн.: И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М. Русский путь. 2004: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1959_iz_pereriski_veru_buninoj_i_t_landai.shtml; Алданова (Ландау, урожд. Зайцева) Татьяна Марковна (1893–1968), переводчица, жена М.А. Алданова.

8 Например, «Милая и дорогая моя Благодетельница», — обращение в публикуемом ниже письме Буниной к Цетлиной от 26.01.1947.

9 Уральский Марк. «Нетленность братских уз»: Переписка И.М. Троцкого, И.А. Бунина и М.А. Алданова // *Новый Журнал*. 2014. № 277. С. 256–306.

10 Цетлин-Доминик А.М. Моя семья: Из воспоминаний // «Новый журнал». 1991. № 184–185. С. 405. Цетлин-Доминик (урожд. Цетлина, в первом браке Кривицкая) Ангелина Михайловна (1917–1996) адвокат, философ. Дочь М.О. и М.С. Цетлиных, сестра (по матери) А.Н. Прегель, жена Павла (Поля) Кривицкого. Окончила Сорбонну, получила диплом философа и адвоката. Во время войны жила в Каннах и Гренобле. Участник парижского восстания в 1944 году. После войны юридический комментатор газеты «Humanité». Вела судебную и арбитражную рубрику в газете «Le Monde».

11 Кисти Валентина Серова принадлежат два портрета М.С. Цетлиной, один из которых, написанный в 1910 г. и считающийся одним из шедевров русского модерна, был 24 ноября 2014 года продан на аукционе Christie's в Лондоне за невиданную для произведений русского искусства сумму в 14 миллионов 510 тысяч долларов. Мраморный бюст юной Марии Тумаркиной (Цетлиной) работы Антуана Бурделя находится в ГМИИ им. А.С. Пушкина (Москва), а бронзовый — оба произведения созданы в 1911 году — в музее Бурделя (Париж). — см. Шалит Ш. «Россия далекая, образ твой помню...» // *Вестник*. 2003. № 3 (324). 25.06.: <http://www.vestnik.com/issues/2003/0625/koi/shalit.htm>

12 Винокур Надежда. *Всю нежность не тебе ли я несусь*. Альбом Марии Самойловны Цетлиной // *Наше наследие*. — 2004. — № 72: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7206.php>

13 Шалит Ш. *Цетлины в США*. — РЕВА, кн. 5, редактор-составитель Эрнст Зальцберг. Торонто — СПб.: Гиперион, 2011. С. 55–62.

14 Катаев В.П. *Трава забвенья*. М.: Вагриус. 2007: <http://mreadz.com/new/index.php?id=202128&pages=13>

15 Бабореко А.К. *Бунин: жизнеописание*. М.: Молодая гвардия. 2004. С. 149.

16 Бабореко А.К. *Поэзия и правда Бунина* / В кн. Муромцева-Бунина В. *Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. М.: Вагриус, 2007. С. 8–9.

17 Яновский В.С. *Поля Елисейские: Книга памяти* / Предисл. Н.Г. Мельников. Коммент. Н.Г. Мельников, О.А. Коростелев. — М.: Астрель, 2012: <http://xwap.me/books/20821/Polya-Yeliseyskiye.html?p=51>

18 Итальянская оккупация длилась с июня 1940 до 8 сентября 1943 года, когда итальянцев, перемирие с союзниками, сменила немецкая оккупационная администрация, проводившая тотальные репрессии против негодных гитлеровскому режиму лиц, в первую очередь евреев и масонов.

19 Бахрах А. Бунин в халате / В кн. И.А. Бунин: *pro et contra*. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей // Сост. Б.В. Аверин, Д. Риникер, К.В. Степанов. СПб.: РХГИ, 2001. С. 195.

20 В то время вместе с Бунинными сожительствоваали Г.Н. Кузнецова и М.А. Степун, а также Ляля, она же Жирова (урожд. Лишина) Елена Николаевна; 1903–1960) — одна из самых близких друзей Бунинных, с дочерью Олечкой, впоследствии Ольгой Алексеевной Колар (1933–1964).

21 Лоло — имеется в виду Муништейн Леонид Григорьевич (Леон Гершкович, псевд. Lolo; 1866–1947), поэт-сатирик, драматург, журналист. В эмиграции с 1920 года, жил в Париже, а с 1926 года — в Ницце с женой — Ильнарской (Ильнарская-Лоло, урожд. Ильинская) Верой Николаевной (1880–1946), актрисой, драматургом, театральным критиком.

22 Бабореко А.К. Бунин: *жизнеописание*. М.: Молодая гвардия, 2000: <http://coollib.net/b/220554/read#r934>

23 Дорога Наполеона (Route Napoleon) — 325-километровый путь от Канн через Грасс до Гренобля, который в марте 1815 г. прошел Наполеон I, возвращаясь в Париж после побега с острова Эльба. Вилла «Жанетт» находилась на улице Route Napoleon.

24 По-видимому, из США.

25 Имеется в виду графиня де Сент-Экзюпери (Marie de Saint-Exupéry; 1875–1972), мать знаменитого французского писателя-летчика, патронировавшая Марго Степун.

26 Луиц Григорий Максимович (1887–1975), друг М.А. Алданова, коллекционер редких книг, меценат, член благотворительных организаций. Окончил юридический факультет Петроградского университета. В эмиграции с 1919 года, жил в Париже (до 1940). Владелец французской фирмы Office des Editions Francaises, поставившей в библиотеки и музеи США европейские книги. В США с 1942 года, работал библиотекарем Университета Калифорнии (Лос-Анджелес), позднее числится среди книжных дилеров Нью-Йорка. Член корпорации «Нового Журнала», первого состава.

27 Речь, по всей видимости, идет о прощальном вечере у Цетлиных в канун их отъезда из Марсея в США.

28 Каплинские (Kaplinsky) — по-видимому, Роза Самойловна (1885–1977) и ее муж Давид (1886–1972), хорошие знакомые Бунинной, весной 1941 уехавшие в США.

29 *Claude Farrère* — Клод Фаррер (наст. Фредерик Шарль Эдуар Баргон; 1876–1957), французский писатель, путешественник и общественный деятель.

30 22 июня 1941 года Илья Фондаминский-Бунаков был арестован в Париже германскими оккупационными властями в числе большой группы примерно из 120 русских масонов. Содержался в лагере Компьень, где 20 сентября 1941 года был крещен в православие. Как еврей был в 1942 году отправлен в лагерь в Дранси, а затем в Освенцим, где и погиб. В 2004 году решением Священного Синода Константинопольского Патриархата был причислен к лику святых.

31 Посылки из США во Францию шли через Лиссабон, поскольку Португалия во Вторую мировую войну сохраняла нейтралитет.

32 Бахрах Александр. По памяти, по записям. Литературные портреты. Н.-Й.: Товарищество зарубежных писателей, 1979. С. 9.

33 т-т (фр.) — мадам, Гандельман, по всей видимости, жена банкира и общественного деятеля эмиграции Г.М. Гандельмана, возглавлявшего парижский банк «Hosquie».

34 Бунин Евгений Алексеевич (1858–1935), старший брат И.А. Бунина

35 Подразумевается Париж.

36 «Курочка» — одно из домашних ласкательных имен Амалии Гавронской-Фондаминской — жены И.И. Фондаминского.

37 Фондаминский, видимо, не знал, что, выйдя в 1937 году замуж за Б.А. Прегеля, Александра Николаевна перешла в иудаизм.

38 Об Александре Борисовиче Либермане, его жене Стефе и их укрывании Буниными от рук нацистов см. Уральский М. «Спасенный Буниным»: Александр Борисович Либерман / В сб.: РЕВА, ред.-составитель Э. Зальцберг. Кн. 10. Торонто; СПб.: Гиперион, 2015. С. 170–188 и Под грасской кровлей // «Новый журнал». 2016. № 281. С. 202–221.

39 Это замечание добросердечной Веры Николаевны было «услышано», и последние десятилетия своей скитальческой жизни А.Б. Либерман провел в США, где получил все, о чем мог мечтать, — гражданство, возможность с успехом реализовать себя на профессиональном поприще, любимых и любящих его учеников и обеспеченное в материальном плане существование.

40 Письма Буниных к художнице Т. Логиновой-Муравьевой. Paris: YMKA-Press, 1982: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1860-1.shtml

41 Возможно, Любовь Сергеевна Гавронская — жена брата А.О. Гавронской-Фондаминской Бориса Осиповича Гавронского.

42 Если речь идет об отце П.Р. Кривицкого — Романе Кривицком (1876–1943), крупном промышленнике, в 1919 году эмигрировавшем во Францию и с начала 1940-х жившем в Каннах, то Бунина, к сожалению, ошибается. Он был арестован в 1943 году и погиб в Освенциме.

43 Илья Фондаминский погиб в Освенциме в ноябре 1942 года. — ЭЕЭ: <http://www.eleven.co.il/article/14316>

44 Вера Николаевна подрабатывала перепечаткой на машинке и частными уроками русского языка.

45 Фи-фи (фр. FFI) — прозвище сотрудников спецслужбы (Les Forces françaises de l'intérieur — Внутренние французские силы), занимавшейся после войны в частности выявлением и арестом лиц, сотрудничавших с немецкими оккупантами (коллаборационистов).

46 Елена Жирова, чтобы прокормиться, работала машинисткой в каком-то немецком учреждении, за что была обвинена в «коллаборационизме».

47 Во время отсутствия Буниных в Париже их квартиру заняли сторонние люди.

48 Бененсоны: Бененсон Леопольд Моисеевич (1888–1954), специалист по банковскому и финансовому делу, общественный деятель. Муж А.К. Бененсон. В 1919 году эмигрировал в Англию, затем перебрался в Париж. Во время войны был арестован, заключен в лагерь Компьень. Жене удалось выволить его из лагеря. Бененсон (урожд. Вейсбрем) Александра Карловна (1901–1979), общественный деятель. Жена Л.М. Бененсона.

49 Речь идет о книге М.О. Цетлина «Пятеро и другие» и ее распространении в эмигрантском кругу Парижа.

50 Т.е. книги «Пятеро и другие».

51 Никаких сведений о родственниках В.Н. Муромцевой и дочерью философа Льва Шестова Натальей Львовной Барановой (урожд. Березовская-Шестова; 1900–1993), не имеется, см., например, ее весьма подробную биографическую книгу: Баранова-Шестова Н.Л. Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников. Т. 1–2. Париж: 1983. Н.Л. Баранова окончила Высшую электротехническую школу в Париже. Помогала отцу в работе, после его смерти занималась его архивом и изданием его книг. Автор книги «Жизнь Льва Шестова» (Париж, 1983). Сотрудничала в газете «Русская мысль». Передала архив отца в Сорбонну.

52 «Встречи» — литературный журнал русской эмиграции. Выходил ежемесячно в Париже с января по июнь 1934 года, всего шесть номеров. Главные редакторы: Георгий Адамович и Михаил Кантор.

53 Муромцева (урожд. Климентова) Мария Николаевна (1856–1946), известная в конце XIX века оперная певица (сопрано), затем педагог и музыкальный деятель, жена дяди В.Н. Буниной С.А. Муромцева. Окончила Московскую консерваторию по классу пения у Дж. Гальвани. В 1880–1889 годах — солистка Большого театра. С 1891-го преподавала пение. В эмиграции во Франции жила в Париже. Руководила вокальной студией Общества истории и искусства (1924). Член правления Российского музыкального общества за границей (РМОЗ) со дня его основания в 1930 году. Профессор Русской консерватории в Париже. Член комитета Московского землячества (1935).

54 Из письма В.Д. Поленова от 1877 года: «Да, я Вас беззаветно люблю, Мария Николаевна, — да что я говорю! Я не Вас люблю, а я тебя люблю, люблю тебя всей силой моей души, всей страстью моего сердца, — ты мое горе, ты моя радость, моя жизнь, мой свет...». См. Копищев М.И. Поленов. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 180–185.

55 Портрет Марии Климентовой был написан Поленовым в 1878 году и ей же подарен. Его местонахождение в настоящее время неизвестно. Поленова (в замуж. Ляпина) Мария Васильевна (1891–1976), художник по прикладным видам искусства, деятель культуры. В эмиграции с 1924 года, жила в Париже, занималась шитьем, вышиванием, художественной аппликацией на ткани. Ее утверждение насчет того, что В. Поленов не был портретистом, ошибочно. Им написан целый ряд портретов, в т.ч., например, Ильи Репина (тоже в 1877 году).

56 Общество «Быстрая помощь» было создано в 1931 году.

57 На улице Дарю (фр. Rue Dariu) в 8-м округе Парижа находится кафедральный собор Св. Александра Невского (освящен в 1861 году), с 1920-х и по сей день принадлежащий экзархату православных русских церквей в Западной Европе (Константинопольский патриархат). В соборе отпевали И.С. Тургенева, Ф. Шаляпина, С. Дягилева, В. Кандинского, И. Бунина, Б. Зайцева, А. Тарковского, Б. Окуджаву и др.

58 30 сентября — на Руси праздновали православный «женский день», т.н. «Вселенские бабьи именины» — Вера — Надежда — Любовь и мать их София.

59 Вторую — первый раз книга увидела свет в Нью-Йорке в 1943 году, дополненную версию книги «Темные аллеи» Орест Зелюк выпустил в своем издательстве «La Presse Française et Étrangère» в конце ноября 1946 года. Над «Темными аллеями» Бунин работал и с 1937 по 1944 год. Большинство рассказов было написано во время Второй мировой войны в Грассе.

60 В. Варшавский и Л. Зуров работали ночными сторожами одного парижского гаража.

61 У известного русского публициста и издателя Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1938), эмигрировавшего на Запад в 1921 году, было двое сыновей-музыкантов. Старший, Амфитеатров Даниил Александрович (1901–1983), композитор, пианист, дирижер, в 1937 году уехал из Италии, где жили его родители и брат, в США и вернулся назад лишь в 1959 году, т.о. у Буниной речь идет о младшем сыне — Максиме Александровиче (1907–?), концертирующем виолончелисте.

[Версия для печати](#)